АХАЛЪ-ТЕКИНСКІЙ ОАЗИСЪ

И

ПУТИ ВЪ ИНДІЮ [1]).

Послѣднее движеніе русскихъ въ среднюю Азію обратило на себя вниманіе всей Европы и въ особенности Англіи, гдѣ въ послѣдніе годы вышло множество сочиненій, посвященныхъ разсмотрѣнію вопроса о среднеазіатскихъ русскихъ владѣніяхъ вообще и въ частности о движеніи русскихъ въ текинскій оазисъ.

---

[1]) Пособіями при составленіи настоящаго очерка служили: 1) *Костенко*, Л. Ѳ. Туркестанскій край, т. I, II и III. Спб. 1880. 2) *Костенко*, Л. Ѳ. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. Спб. 1871. 3) *Терентьевъ*, М. А. Россія и Англія въ борьбѣ за рынки. Спб. 1876. 4) *Шашковъ*, Индустанъ и англичане. „Историческіе очерки С. С. Шашковъ“. Спб. 1875. 5) *Шавровъ*. О путяхъ для торговли Россіи съ Азіей. Спб. 1873. 6) *Петровскій* Н. Ѳ., Матерьялы для торговой статистики Туркестанскаго края. Спб. 1874. 7) Докладъ (комитету общества содѣйствія промышленности и торговли), составленный особою коммиссіею по изслѣдованію путей для торговли Россіи съ Азіей. 8) *Петрусевичъ*, Записки Кавказскаго Отдѣленія Импер. Русск. Геогр. Общ. кн. XI, вып. I. Тифлисъ. 1880. 9) *Маевъ*, Матерьялы для статистики Туркестанскаго края, вып. I (1872 г.) и II (1873 г.). 10) *Борисъ*, Путешествіе въ Кабулъ и Бухару. I, II, III и IV т. *Мартенсъ*, Россія и Англія въ Средней Азіи. 11) Neues aus der Geographie, Kartographe, und Statistik Europa's und seiner Kolonien. Bearbeitet vom Grossen Generalstabe. Berlin. 1879. 12) *Marvin* Charles. Merv and the Man-stealing Turcomans. London. 1881. 13) *Torrens*. Empire in Asia. London. 1872. 14) *Boulger*. England and Russia in Central Asia. 1—2 vol. London. 1879. 15) *Hunter* W. W. The Indian Musalmans. London. 1872. 16) *Bousselet* Louis. L'Inde des Rajahs. Voyage dans l'Inde Centrale. Paris. 1877. 17) *Schuyler*, Phil. Turkistan. Notes of a Journey in Russian Tourkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja: 1 и 2 vol. London. 1876. 18) Montalembert. Un débat sur l'Inde au parlement anglais. Bruxelles. 1858. 19) *Legrand*. Les routes de l'Inde. Paris. 1880. 20) *Valbezen*. Les Anglais et l'Inde. Paris. 1875. 21) Барту де-Пано-энъ. „Индія подъ англійскимъ владычествомъ“. I и II т. Москва. 1848.

Только-что окончилась неудачная для русскихъ экспедиція 1879 года, какъ въ Англіи появилось весьма объемистое сочиненіе Марвина подъ заглавіемъ: „Несчастный походъ русскихъ въ ахалъ-текинскій оазисъ“.

Путешествіе Барнеби въ Хиву вышло уже, кажется, седьмымъ изданіемъ.

Книжка Бульгера: „Россія и Англія въ Средней Азіи“, имѣла несомнѣнный успѣхъ: всѣ, сколько-нибудь значительные, органы англійской печати сдѣлали изъ нея выдержки, что также не мало способствовало ея успѣху.

Наконецъ, въ февралѣ настоящаго года, уже по взятіи Геокъ-Тепе, вышла книга того же Марвина: „Merv the Queen of the World“ (Мервъ—Королева вселенной), имѣющая цѣлью ознакомленіе англійской публики съ такъ-называемымъ „Мервскимъ вопросомъ“, вопросомъ, по мнѣнію автора, крайне важнымъ для англійскихъ интересовъ.

При составленіи этой книги, авторъ пользовался новѣйшими источниками и въ томъ числѣ русскими, каковы, напр., „Туркестанскій край“ полковника Костенко и въ особенности статьями убитаго подъ Геокъ-Тепе генералъ-маіора Петрусевича; поэтому, онъ довольно обстоятельно описываетъ туркестанскій край, происхожденіе туркменъ, ихъ племенныя подраздѣленія, ихъ военный и домашній бытъ и проч. Затѣмъ касается колонизаціи закаспійскихъ степей, современнаго положенія и стратегическаго значенія Мерва и въ особенности останавливается на выясненіи того вліянія, которое Россія пріобрѣтаетъ на Хорассанъ послѣ взятія Мерва. По его мнѣнію, послѣ захвата Мерва, Хорассанъ неминуемо станетъ русской провинціей, причемъ Персія потеряетъ всякій признакъ самостоятельности, и для Россіи откроется, черезъ Гератъ, Астрабадъ и Мешхедъ, прямой путь въ Индію.

Хотя Марвинъ и старается увѣрить читателей въ своемъ расположеніи къ Россіи, тѣмъ не менѣе мысль о занятіи Мерва русскими ему, очевидно, не нравится и онъ прямо ставитъ вопросъ: что дѣлать Англіи?

Единственно, чѣмъ можно, по мнѣнію автора, отклонить опасное для Англіи положеніе дѣла—это не допустить Россію въ Мервъ,—Англіи же, завладѣвъ Кандагаромъ и Гератомъ и оставивъ въ покоѣ Константинополь, вступить съ Россіей въ переговоры относительно опредѣленія средне-азіатской границы; это послѣднее онъ считаетъ въ особенности возможнымъ на томъ основаніи, что, будто-бы, русское правительство обязалось „не расширять русскихъ границъ въ Средней Азіи“.

Между тѣмъ, у насъ по означенному вопросу было написано

весьма немного, хотя онъ касается Россіи ничуть не меньше, чѣмъ Англіи. Русская публика мало знакома съ средне-азіатскими вопросами вообще и въ особенности съ вопросомъ о текинскомъ оазисѣ.

Неудача 1879 года, правда, возбудила нѣкоторый интересъ къ средне-азіатскому вопросу въ русскомъ обществѣ и, главнымъ образомъ, въ періодической печати, бо̀льшая часть которой признавала невозможнымъ оставить безнаказанно означенное пораженіе; но никто, въ сущности, не сознавалъ всей той важности для Россіи, всей той необходимости, которая въ дѣйствительности заключалась въ покоренiи дерзкаго племени, такъ долго бывшаго грозою Хорассана и всего пространства между Аральскимъ и Каспійскимъ морями съ кочующими на немъ туркменами и адаевскими киргизами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мало кому въ Россіи были извѣстны историческіе факты, касающіеся до этой отдаленной окраины; мало кому было извѣстно, что, умершій весною прошлаго года Нуръ-Верды-Ханъ, соединенный ханъ Ахала и Мерва, можетъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ воителей XIX столѣтія.

Онъ разбилъ на голову хивинцевъ въ 1855 году, затѣмъ персіянъ въ 1861 г. и наконецъ русскихъ въ 1879 году.

Первому пораженію предшествовали слѣдующія обстоятельства: послѣ погрома, нанесеннаго текинцамъ въ старомъ Сераксѣ, хивинскимъ ханомъ Медэміемъ, за постоянные грабежи хивинскихъ областей, и по возвращенiи его въ Хиву, текинцы вскорѣ вновь принялись за свои набѣги, уничтожили весь оставленный въ Сераксѣ хивинскій отрядъ (500 человѣкъ) вмѣстѣ съ намѣстникомъ и опять принялись за прежніе грабежи. Тогда Медэмій-Ханъ въ 1855 году вновь собралъ войско и подступилъ къ Сераксу; здѣсь произошло нѣсколько стычекъ, окончившихся совершеннымъ пораженіемъ и бѣгствомъ хивинскаго войска; самъ Медэмій-Ханъ, вмѣстѣ съ окружавшими его лицами, былъ захваченъ на высокомъ курганѣ, съ котораго онъ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Его и всѣхъ бывшихъ при немъ текинцы зарѣзали и голову хана отправили къ Фетхъ-Али шаху въ Тегеранъ, тѣло же было доставлено въ Хиву.

Съ тѣхъ поръ текинцы сдѣлались еще смѣлѣе и стали грабить не только хивинцевъ, бухарцевъ и сарыковъ, жившихъ въ Мервѣ, но и всѣ провинціи Хорассана.

Въ 1857 году они были жестоко наказаны, но, тѣмъ не менѣе, вскорѣ оправились и стали дѣлать на Хорассанъ еще болѣе опустошительные набѣги.

Все это заставило персидское правительство двинуться на Мервъ, съ цѣлью раззорить его окончательно.

Предварительно, въ 1860 году, было устроено укрѣпленіе на лѣ-

вомъ берегу рѣки Герры-Руда, названное новымъ Сераксомъ, и въ 1861 году двинулось черезъ Серакс въ Мерву персидское войско, въ составѣ 12,000 человѣкъ пѣхоты и около 10,000 кавалеріи съ 33 орудіями.

Персіяне настолько были увѣрены въ побѣдѣ, что когда текинцы предложили имъ 1000 семей заложниковъ, кромѣ того 1000 конныхъ на службу и наконецъ по мискалю (золотнику) золота съ каждаго двора, то главнокомандующій Хальзе-Мирза отказался отъ этихъ предложеній, твердо вознамѣрившись окончательно уничтожить текинцевъ. Послѣднимъ, конечно, оставалось только защищаться, и результатъ оказался совершенно неожиданный; въ первый же день персіане были разбиты текинцами на-голову; все, что могло, бросилось бѣжать; но все-таки убитыхъ было очень много; а пѣхота и вся артиллерія досталась въ руки текинцамъ. Плѣнныхъ набралось столько, что текинцы не знали, куда ихъ дѣвать, и хотя Хива и Бухара представляли отличный рынокъ для сбыта плѣнныхъ, но, вслѣдствіе изобилія ихъ, цѣны на нихъ такъ понизились, что взрослый мужчина продавался за 25 кронъ (7 руб. 50 коп.).

Послѣ этого погрома, персіяне окончательно отказались отъ мысли нападать на текинцевъ и ограничились лишь охраненіемъ отъ нихъ своихъ владѣній.

Текинцы же, послѣ такого успѣха, сдѣлались совершенно независимыми. До пораженія хивинцевъ и персіянъ они должны были признавать себя, то хивинскими, то персидскими подданными, смотря по тому, откуда шла гроза; но погромъ двухъ армій доставилъ имъ полную независимость. Съ этого времени грабежи ихъ сдѣлались еще болѣе жестокими и выразились страшнымъ опустошеніемъ всего сѣверо-восточнаго Хорассана и взятіемъ въ плѣнъ въ 1871 году 2000 семействъ салыровъ, жившихъ у Зуръ-Абада.

До сихъ поръ не удавалось и Россіи справиться съ текинцами: хотя во время ряда экспедицій, отправлявшихся съ 1871 по 1879 г., подъ начальствомъ генерала Ломакина, текинцы и были постоянно разбиваемы, но такъ какъ послѣ этого войска всякій разъ возвращались назадъ, то текинцы принимали это за признакъ безсилія русскихъ войскъ и, наконецъ, ободрились до того, что въ 1879 году отбили штурмъ Геокъ-Тепе, съ значительными потерями для русскихъ войскъ, привыкшихъ къ дешевымъ среднеазіатскимъ побѣдамъ.

Конечно, это пораженіе не могло остаться безъ вліянія на общее положеніе русскихъ въ средней Азіи и должно было, до извѣстной степени, поколебать обаяніе, столь прочно внушенное предъидущими побѣдами.

Нельзя, да и несправедливо также было бы искать виновника

этой неудачи, которая была положительно случайностью: на штурмъ пошли лучшіе наши кавказскіе полки, подъ начальствомъ храбрыхъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе легли, но штурмъ все-таки не удался. Тѣ же самыя войска, которыя не задолго до того побѣдоносно штурмовали Карсъ, остановились, въ сущности, передъ „глинянымъ горшкомъ“; и дѣйствительно, сравнивать штурмъ Карса со штурмомъ Геокъ-Тепе было бы все равно, что сравнивать, положимъ, безсмертную итальянскую кампанію Наполеона I съ весьма настойчивымъ и достойнымъ полнаго уваженія преслѣдованіемъ Пугачева Михельсономъ.

Доблестныя кавказскія войска не могли на этотъ разъ овладѣть Геокъ-Тепе, преимущественно по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Вся предъидущая турецкая кампанія пріучила войска къ такому роду дѣйствій, при которомъ требовались большія усилія и значительныя жертвы для того, чтобы пройти подъ убійственнымъ огнемъ скорострѣльныхъ ружей и массы выпущенныхъ снарядовъ.

Но разъ удалось пройти этотъ огонь и достигнуть непріятельскихъ укрѣпленій, дѣло уже можно было считать выиграннымъ;—такъ, по крайней мѣрѣ, было съ турками, которые, при встрѣчѣ холоднымъ оружіемъ, не представляли сильнаго сопротивленія и рѣдко встрѣчали штыкъ штыкомъ.

Въ 1879 году, подъ Геокъ-Тепе, бой представлялъ приблизительно слѣдующій фазисъ: у туркменъ не было большого количества огнестрѣльнаго оружія, такъ что огонь ихъ, хотя и мѣткій, не былъ тѣмъ частымъ огнемъ, къ которому русскіе войска привыкли въ Турціи, а потому обстрѣливаемое пространство было пройдено довольно легко.

Аттака была произведена длинною и довольно растянутою цѣпью, что также было послѣдствіемъ предъидущей кампаніи, во время которой подобный строй оказывался необходимымъ.

Но тактика, оказавшаяся успѣшною при взятіи укрѣпленныхъ позицій въ окрестностяхъ Карса и Эрзерума, при другой обстановкѣ не имѣла успѣха; такъ при штурмѣ Геокъ-Тепе, въ тотъ моментъ, когда длинная и тонкая цѣпь войскъ вступила на бруствер и даже за него, текинцы, вмѣсто того, чтобы оставить сопротивленіе, храбро бросились на нападающихъ, совершенно не ожидавшихъ отпора, и заставили ихъ отступить.

Такимъ образомъ, можно сказать, что одною изъ причинъ пораженія русскихъ войскъ подъ Геокъ-Тепе было примѣненіе тактики, оказавшейся столь цѣлесообразною въ послѣдній періодъ турецкой кампаніи, но не соотвѣтствующей условіямъ войны въ Средней Азіи, гдѣ, наоборотъ, необходимо держаться строя въ сомкнутыхъ частяхъ

такъ какъ этотъ строй однимъ своимъ видомъ внушаетъ и уваженіе и страхъ.

Русскіе въ своихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ на $3^1/_2$ милліона туземныхъ жителей имѣютъ до 45 тыс. войска и держатся тамъ не матеріальною силою, а, главнымъ образомъ, силою того обаянія, тою нравственною силою, которая заключается въ дисциплинѣ и строѣ, соединенными съ мужествомъ; только благодаря этимъ условіямъ, русскіе имѣютъ такое громадное преимущество передъ нестройною толпою азіатовъ.

„Не то страшно,—говорилъ одинъ изъ побѣжденныхъ азіатовъ русскому офицеру,—что стрѣляютъ изъ пушекъ и скорострѣльныхъ ружей, а то страшно, что горсть людей, сплоченныхъ въ стройную роту, безъ выстрѣла, смѣло и непоколебимо движется впередъ на тысячныя толпы“.

Этимъ-то обаяніемъ объясняются блестящія побѣды Черняева, Романовскаго и Кауфмана, которые съ нѣсколькими ротами разбивали въ десятеро сильнѣйшаго непріятеля. Въ примѣрахъ, подтверждающихъ означенный фактъ, нѣтъ недостатка.

Въ 1860 году, подъ Узунъ-Агачемъ, русскій отрядъ, силою въ 800 человѣкъ, на-голову разбиваетъ коканское скопище слишкомъ въ 20,000 человѣкъ.

Въ 1865 году отрядъ такой же силы беретъ штурмомъ городъ Ташкентъ, населенный 76,000 жителей.

Въ 1866 году, подъ Ирджаромъ, отрядъ, силою въ 14 ротъ, 5 сотенъ, 20 орудій и 8 ракетныхъ станковъ, всего около 3,000 человѣкъ, разбиваетъ сорока-тысячную армію бухарскаго эмира, въ первый разъ аттаковавшаго русскихъ и совершенно увѣреннаго въ успѣхѣ.

Въ 1868 году, подъ Самаркандомъ, русскія войска, силою въ 3,500 человѣкъ, берутъ неприступную въ европейскомъ смыслѣ слова позицію, защищаемую 60,000 бухарцевъ, и т. д., и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что наши войска въ Средней Азіи не считаютъ врага: чѣмъ больше его будетъ, тѣмъ для нихъ пріятнѣе, потому что тѣмъ блистательнѣе побѣда. „Поздравляю“, говорилъ одинъ изъ русскихъ военачальниковъ своему незначительному отряду въ виду наступленія въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго непріятеля: „ихъ такъ много, насъ такъ мало“! Строй, дисциплина, обаяніе постоянныхъ побѣдъ—вотъ что составляетъ силу русскихъ войскъ.

Но разъ это обаяніе поколеблено, разъ люди, привыкшіе давать тылъ передъ стройными, дисциплинированными войсками, потеряютъ эту привычку, то для возстановленія обаянія уже является необхо-

димымъ употребить гораздо болѣе серьёзное усиліе и располагать бо́льшими боевыми и денежными средствами.

Поэтому пораженіе русскихъ въ 1879 году подъ Геокъ-Тепе, несомнѣнно, должно было поколебать въ Азіи общее довѣріе къ ихъ непобѣдимости, такъ какъ, притомъ, главными виновниками означеннаго пораженія были тѣ самые алламанщики текинцы, которые въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ держали въ страхѣ весь Хорассанъ и все обширное пространство закаспійской степи отъ береговъ Аму-Дарьи и Аральскаго моря до Каспія.

При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что туркмены-текинцы всегда имѣли значительное вліяніе на туркменъ другихъ племенъ, отчасти подвластныхъ Россіи, отчасти же сохранившихъ свою независимость.

И подвластные русскимъ іомуды, живущіе на островѣ Челекени, а также кочующіе подъ Красноводскомъ и въ предѣлахъ хивинскаго царства по берегу Аму-Дарьи, и солоры, и сарыки, и племена джафарбаевъ, атабаевъ и гокланов, кочующіе зимой между Атрекомъ и Гіургенемъ, а лѣтомъ въ русскихъ владѣніяхъ—всѣ они съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за исходомъ борьбы русскихъ съ текинцами, чтобы, смотря по ходу ея, стать въ тѣ или другія отношенія къ воюющимъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе полагали возможнымъ не дѣлать экспедиціи въ 1880 году. Но ближайшее изученіе дѣла указывало на крайнюю ея необходимость.

Еслибы текинцы не были разбиты въ 1880 году, еслибы Геокъ-Тепе не пало 12-го января 1881 года, то русскимъ гарнизонамъ не было бы никакой возможности оставаться въ Красноводскѣ и Чикишлярѣ.

Неоднократно въ теченіе 1879—1880 гг., текинцы грозили взять Чикишляръ и устроить въ немъ *той*, т.-е. праздникъ.

Подъ новый 1880 годъ, Токма-Сердаръ съ текинской конницей грабилъ іомудовъ подъ самымъ Красноводскомъ. Киргизы-адаевцы, подъ Мангишлакомъ, сильно безпокоились за свою безопасность, и ни одинъ караванъ съ Аму-Дарьи и Аральскаго моря не посмѣлъ пройти къ берегамъ Каспія.

Но текинцы не могли имѣть прочнаго успѣха. Наши политическіе недоброжелатели не съумѣли или не успѣли ни снабдить текинцевъ надлежащимъ количествомъ ружей и артиллеріей, ни придать этому, дѣйствительно воинственному, племени болѣе правильную военную организацію, ни, наконецъ, укрѣпить на самомъ дѣлѣ ихъ земляныя „калы“ (укрѣпленія), чего, несмотря на хвастовство по этому поводу маіора Ботлера, въ дѣйствительности не было сдѣлано.

Но при соблюденіи всѣхъ вышеозначенныхъ условій, безъ сомнѣнія, смѣлые туркменскіе наѣздники не ограничились бы тѣмъ, что держали бы въ осадномъ положеніи наши войска въ Красноводскѣ и Чикишлярѣ; они, навѣрное, скоро показались бы въ оренбургской степи, а также подъ Ташкентомъ и Самаркандомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этихъ краяхъ, столь недавно еще успокоенныхъ, они непремѣнно нашли бы элементы, склонные слѣдовать ихъ примѣру, и тогда, съ хорошо вооруженными всадниками на необыкновенно быстрыхъ и выносливыхъ лошадяхъ, нескоро можно было бы справиться.

Одно изъ двухъ: или надо было рѣшиться совершенно оставить восточный берегъ Каспійскаго моря и постоянно бояться за цѣлость русскихъ владѣній въ Средней Азіи, или произвести немедленно же самую энергическую, хотя и дорого стоющую, экспедицію, которая дала бы возможность сломить послѣднее сопротивленіе въ Средней Азіи и окончательно утвердить въ ней спокойствіе.

Несправедливо также мнѣніе противниковъ экспедиціи о томъ, что будто Закаспійскій край представляетъ собою безплодную пустыню, совершенно негодную ни для поселенія, ни для земледѣлія.

Мнѣніе это распространилось со словъ лицъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціяхъ генерала Ломакина, которыя, какъ извѣстно, едва только доходили до оазиса и дѣйствовали преимущественно на пространствѣ отъ Михайловскаго залива до Кизилъ-Арвата и отъ Чикишляра до Бами.

Означенныя мѣстности представляютъ собою пространства пустынныя, безводныя или съ водой плохого качества; но совершенно иной характеръ представляетъ, такъ-называемый, текинскій оазисъ, который, собственно, начинается у Кизилъ-Арвата и тянется вдоль Кюренъ-Дага и Копетъ-Дага черезъ Бами, Геокъ-Тепе и Асхабадъ въ Серахсъ. Первая часть этой полосы, идущая отъ Кизилъ-Арвата къ Бами, плодоносна и изобилуетъ водой, но, тѣмъ не менѣе, ее нельзя и сравнивать съ второю частью, идущею отъ Бами, черезъ Геокъ-Тепе, до Асхабада и далѣе до Теджента.

Эта часть покрыта цвѣтущими садами и обладаетъ такой почвой, которая даетъ въ годъ двѣ жатвы и о которой туркмены говорятъ, что „Адамъ, выгнанный изъ рая, не нашелъ лучшаго мѣста для своего поселенія, какъ этотъ плодоносный участокъ“.

Безъ сомнѣнія, плодоносность этого участка весьма много зависитъ отъ искусственнаго орошенія, которое здѣсь устроено, можно сказать, на каждомъ шагу и которое стоитъ не малаго труда.

Что же касается до воды, то она имѣется здѣсь въ изобиліи, такъ какъ вдоль всего Копетъ-Дага и Кюренъ-Дага (горные хребты,

окаймляющіе съ юго-восточной стороны оазисъ) вода многочисленными ручьями быстро вытекаетъ изъ названныхъ горъ и распредѣляется текинцами на безконечное количество канавъ и ручейковъ, которые вездѣ даютъ здѣсь жизнь и плодородіе этой богатой почвѣ.

Кромѣ того, долина Чандыря и Сумбара, притоковъ Атрека, также замѣчательна по своей плодоносности. Такимъ образомъ, полоса земли, около 200 верстъ въ ширину отъ Каспійскаго моря до оазиса, дѣйствительно, представляетъ собою степь, годную лишь для пастьбы скота кочующихъ тамъ туркменъ; но затѣмъ, текинскій оазисъ съ долинами Чандыря и Сумбара—это одна изъ плодоноснѣйшихъ странъ въ мірѣ и могущая продовольствовать до милліона населенія.

Нынѣ экспедиція совершена и достигла цѣли окончательнаго умиротворенія средней Азіи; а потому является крайне необходимымъ и своевременнымъ выяснить другой вопросъ, именно вопросъ объ относительномъ положеніи Россіи и Англіи въ Средней Азіи, вопросъ, который такъ сильно занимаетъ англичанъ и о которомъ многіе изъ англійскихъ писателей высказались еще ранѣе ахалъ-текинской экспедиціи.

Нельзя не обратить вниманія на то единодушіе, на то сходство мыслей, которое замѣчается у англійскихъ авторовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается Россіи и, въ особенности, русскихъ порядковъ. Тутъ у нихъ, можно сказать, одно мнѣніе, а отсюда и одно стремленіе, а именно, во что бы то ни стало доказать, съ одной стороны, до какой степени англичане надѣлили и облагодѣтельствовали свои владѣнія въ Азіи всѣми плодами современной цивилизаціи, желѣзными дорогами, школами, высшимъ образованіемъ, административными учрежденіями, основанными на самыхъ раціональныхъ началахъ и даже администраторами, которыхъ Англія, будто бы, беретъ изъ цвѣта своего населенія; а съ другой стороны, не менѣе энергичное стремленіе доказать, что русскіе ровно ничего не сдѣлали и не дѣлаютъ для тѣхъ народовъ, которыхъ они подчинили себѣ во имя принципа, цивилизующаго начала: образованіе вовсе не составляетъ предмета заботъ русскаго правительства, пути сообщенія въ прежнемъ жалкомъ видѣ, администрація находится въ рукахъ людей, совершенно неумѣлыхъ и незаслуживающихъ никакого довѣрія,—однимъ словомъ, положеніе края представляется самымъ безотраднымъ. При характеристикѣ отношеній англійскаго и русскаго правительствъ къ ихъ азіатскимъ сосѣдямъ, сплошь да рядомъ проводится параллель между „прямодушной“ политикой Англіи и необыкновенно ловкимъ „коварствомъ“ Россіи, причемъ доказывается,

что сосѣднія съ Россіей государства совершенно извѣрились въ ней и положительно ей не довѣряютъ.

Изъ новѣйшихъ англійскихъ писателей по средне-азіатскому вопросу, едва ли не съ наибольшимъ ожесточеніемъ относится къ постоянному поступательному движенію русскихъ въ среднюю Азію Бульгеръ, который считаетъ его крайне неблагопріятнымъ для Англіи, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ убѣжденъ—и доказываетъ это при описаніи англо-индійскихъ границъ—что Россія не можетъ быть опасна Англіи, если только эта послѣдняя приметъ нѣкоторыя мѣры относительно укрѣпленія границъ и преобразованія англо-индійской арміи.

При этомъ Бульгеръ указываетъ и направленіе, въ которомъ должно произойти столкновеніе, если только оно осуществится; это то же самое направленіе, по которому шелъ въ Индію Надиръ-Шахъ и многіе другіе завоеватели и по которому должны двигаться и русскіе, въ виду слѣдующихъ соображеній автора: такъ какъ, по подробному и, надо сказать, довольно вѣрному исчисленію Бульгера, войска туркестанскаго округа не могутъ выдѣлить значительной силы для наступленія внѣ предѣловъ своего округа, то онъ считаетъ кавказскую армію главнымъ источникомъ, изъ котораго Россія должна будетъ черпать войска, въ случаѣ приведенія въ исполненіе завоевательныхъ плановъ; и тогда путь на Красноводскъ, Кизилъ-Арватъ, Асхабадъ, Гератъ и Кандагаръ, естественно, является наиболѣе удобнымъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что послѣднія событія въ ахалъ-текинскомъ оазисѣ придаютъ особую важность мнѣнію автора и невольно заставляютъ внимательно отнестись къ труду, который, сколько извѣстно, имѣлъ значительный успѣхъ и въ средѣ англійскаго общества.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что вся книга пропитана злобою и раздраженіемъ, что, кстати сказать, не есть признакъ спокойной самосознающей силы; но надо надѣяться, что подобная раздражительность раздѣляется далеко не всѣми англичанами и что она составляетъ почти исключительно черту лишь ближайшихъ послѣдователей, такъ-сказать, романтической политики Биконсфильда.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что раздражительность тогда только представляетъ серьёзную опасность, когда она охватываетъ обѣ стороны, между которыми можетъ произойти столкновеніе, и что затѣмъ, она значительно уменьшается, когда одна изъ сторонъ относится къ дѣлу хладнокровно, спокойно, что, конечно, не можетъ не дѣйствовать успокоительно и на другую сторону.

Казалось бы далеко не безполезнымъ выяснить, до какой степени, въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, положеніе англичанъ въ Азіи

такъ прочно, дѣйствія ихъ такъ умѣлы, администрація такъ искусна, а съ другой, наоборотъ, Россія такъ слаба, дѣйствія ея такъ неискусны и администрація такъ плоха.

Для этого, кажется, лучше всего пользоваться англійскими источниками и, главнымъ образомъ, сочиненіями, которыя въ послѣднее время выходили въ Англіи и посвящались не только средне-азіатскому вопросу, а вообще разъясненію положенія внутренней административной дѣятельности англо-индійскаго правительства.

Прежде всего, въ дѣйствіяхъ, какъ англичанъ, такъ и русскихъ, на востокѣ поражаетъ, главнымъ образомъ, одна общая черта—это непреодолимое стремленіе впередъ, несмотря на самыя искреннія и рѣшительныя попытки обоихъ государствъ не двигаться впередъ и даже прекратить порывы къ этому движенію.

Такъ, почти во все время поступательнаго движенія англо-индійской кампаніи, большая часть лучшихъ людей Англіи считала завоеванія въ Индіи крайне вредными и опасными для государства.

Вопросъ этотъ неоднократно поднимался и въ парламентѣ. Фоксъ и Питтъ, эти два великихъ парламентскихъ соперника, оба вносили билли по поводу политики, которой необходимо было держаться по отношенію къ Индіи.

Билль Питта, принятый парламентомъ, сдѣлался основнымъ правиломъ англійскаго правительства; билль же этотъ объявлялъ формально: „Всякій проектъ завоеваній въ высшей степени противенъ желанію, чести и интересамъ Великобританіи. Генералъ-губернаторамъ Индіи воспрещаются всякаго рода враждебныя дѣйствія безъ особаго дозволенія совѣта директоровъ. Формально воспрещается не только вступать въ союзъ противъ какого-либо туземнаго государя, но даже вступать въ союзы въ видахъ взаимной гарантіи“ и проч., и проч.

Единственнымъ исключеніемъ изъ запрещенія всѣхъ враждебныхъ дѣйствій была необходимость защиты отъ неожиданныхъ нападеній или тотъ случай, когда явныя военныя приготовленія непріятеля будутъ имѣть значеніе объявленія войны. И не только въ эпоху Фокса и Питта центральное англійское правительство было противъ поступательнаго движенія въ Индію.

Постоянно, самые краснорѣчивые голоса, поддерживаемые и англійскимъ правительствомъ, убѣждали не двигаться впередъ и стараться ограничиться удержаніемъ уже поневолѣ взятыхъ областей; къ чему это привело, извѣстно: верховное главенство Англіи принято Непаломъ и Кашмиромъ, а затѣмъ всесильный рокъ влечетъ Англію въ Афганистанъ. Послѣ неудачнаго похода въ 1841 году англичане, прежде всего, оставили Афганистанъ и нынѣ очищаютъ

большую часть афганской территоріи; тѣмъ не менѣе, все-таки Авганистанъ находится подъ вліяніемъ Англіи; англо-индійское правительство постоянно вмѣшивается въ политическія событія, во внутренніе раздоры, происходящіе въ Афганѣ, и не можетъ поступать иначе, такъ какъ въ Пенджабѣ Англія владѣетъ значительнымъ афганскимъ населеніемъ; всѣ горные проходы, вся гористая страна на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Индіи населены афганами; кромѣ того, несомнѣнно, что очень часто лучшій и наиболѣе дешевый способъ обороны заключается въ наступленіи и что, не имѣй Англія вліянія въ Кабулѣ, Кандагарѣ и Гератѣ, афганскія шайки, подстрекаемыя вѣчно безпокойными, вѣчно спорящими между собою афганскими властителями, угрожали бы англійскимъ властямъ не только въ Сингапурѣ и Пешаурѣ, но въ Лагорѣ и даже, быть можетъ, въ Дели.

Точно такое же явленіе мы видимъ и въ Россіи, гдѣ правительство, съ своей стороны, постоянно самымъ настойчивымъ, самымъ положительнымъ образомъ противилось всякому движенію въ Среднюю Азію; но опять-таки, въ силу тѣхъ же необъяснимыхъ причинъ, русскіе неуклонно шли впередъ..

Это движеніе въ Среднюю Азію началось еще въ 1730 году, когда киргизы малой орды, не находя нигдѣ спасенія отъ набѣговъ джунгаръ, башкиръ и яицкихъ казаковъ обратились къ Россіи съ просьбою принять ихъ въ подданство.

Послѣдовавшее затѣмъ учрежденіе пограничныхъ, со стороны Урала и Сибири, линій было таково, что шайки кочевниковъ свободно проходили вплоть до Иртыша и Урала. Правительство принуждено было принять противъ этого мѣры, и осуществленіе ихъ вызвало рядъ войнъ съ Коканомъ и Бухарой, послѣдствіемъ которыхъ было занятіе обширной территоріи, составляющей бассейны Сыръ-Дарьи, Чу, Или и Заравшана.

Завоеванія эти настолько были не въ видахъ русскаго правительства, что 31 октября 1864 года состоялось высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ поступательнаго движенія.

Но обстоятельства показали, что Чемкентъ и Туркестанъ, которые въ началѣ рѣшено было отнюдь не занимать, не могутъ быть нами оставлены, такъ какъ, стоя на главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ средне-азіатскихъ ханствъ въ Россію, они имѣютъ слишкомъ очевидное значеніе оплота для сибирской и оренбургской окраинъ.

Далѣе пришлось прочно занять Ташкентъ, который, согласно отношенія министерства иностранныхъ дѣлъ къ оренбургскому генералъ-губернатору (отъ 23 февраля 1866 года) предполагалось воз-

вратить обратно; но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ линія отъ Чемкента къ Ауліе-Ата не имѣла бы никакого опорнаго пункта.

Поступательное движеніе совершалось и обусловливалось необходимостью: Россія была къ этому вынуждена, такъ какъ ей нужно было быть весьма осмотрительной въ дѣлѣ упроченія пограничныхъ линій въ виду нравственнаго значенія и матеріальныхъ средствъ средне-азіатскихъ ханствъ.

Такимъ образомъ, и въ Англіи, и въ Россіи, какъ со стороны общества, такъ и со стороны правительства, замѣчается одно и то же стремленіе, одно и то же твердое намѣреніе не двигаться впередъ, не дѣлать завоеваній,—и, несмотря на это, все-таки оба государства, по какимъ-то неисповѣдимымъ предначертаніямъ судьбы, постоянно двигаются впередъ.

При попыткѣ сколько-нибудь объяснить это, повидимому, странное явленіе и найти для этого точку опоры въ исторіи народовъ, прежде всего представляется слѣдующее:

Съ первыхъ временъ исторіи, въ мірѣ совершаются два великихъ движенія: одно влекло нѣкогда родъ человѣческій съ востока на западъ; другое же возвращаетъ его съ запада на востокъ; первое изъ этихъ движеній, съ которымъ связаны великія переселенія, наполнившія западъ Европы народами Азіи, началось, вѣроятно, еще задолго до историческихъ временъ; второе, открывшееся троянскою войною, продолжаемое государствомъ Александра, римскою имперіею, крестовыми походами, открытіемъ мыса Доброй Надежды и прямымъ послѣдствіемъ его—устройствомъ европейскихъ поселеній на востокѣ—существуетъ и до настоящаго времени.

Безъ сомнѣнія, тутъ сказывается какая-то историческая необходимость, какой-то законъ, который еще не извѣстенъ, но который, тѣмъ не менѣе, существуетъ и неумолимо подчиняетъ себѣ судьбу народовъ.

Поэтому очень можетъ быть, что движеніе это не остановится, пока не достигнетъ цѣли; пока, напримѣръ, пространства, отдѣляющія извѣстные народы, не исчезнутъ; пока западъ и востокъ, наконецъ, не сольются въ одно цѣлое; пока люди, до сихъ поръ чуждые другъ другу, не придутъ въ сближеніе и человѣчество не возстановится въ своемъ величественномъ единствѣ.

Фактъ подобнаго сближенія очевиденъ: Англія и Россія, при своемъ поступательномъ движеніи, явно, ежегодно, почти ежемѣсячно приближаются другъ къ другу;—но вопросъ заключается въ характерѣ, или, лучше сказать, въ результатахъ этого сближенія.

Хочется вѣрить, что означенное сближеніе отнюдь не должно повлечь къ борьбѣ между двумя государствами, что оно вполнѣ воз-

можно на мирной почвѣ торговли, промышленности и вообще международныхъ сношеній. Подобное сближеніе не только возможно, но и вполнѣ выгодно для обоихъ государствъ; каждому изъ нихъ представляется и теперь обширное поприще для дѣятельности среди тѣхъ народовъ, которые ему подвластны и которые нуждаются во внесеніи въ ихъ жизнь новыхъ цивилизующихъ началъ. Многое говоритъ въ пользу того мнѣнія, что столкновеніе между Англіей и Россіей не только безполезно для той и другой, но оно, во всякомъ случаѣ, принесетъ имъ обѣимъ не мало вреда.

Что касается Россіи, то здѣсь, можно сказать съ положительною увѣренностью,—всѣ, безъ исключенія, желаютъ мирнаго разрѣшенія дѣлъ на востокѣ.

Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы опредѣлить почву, на которой возможно соглашеніе между Россіей и Англіей, казалось бы не лишнимъ провѣрить, дѣйствительно ли въ Индіи все представляется въ такомъ розовомъ свѣтѣ, какъ это обыкновенно изображается англійскими писателями;—и съ другой стороны—дѣйствительно, ли все такъ мрачно въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ? Нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, пятенъ на солнцѣ англо-индійскаго владычества и нѣтъ ли, наоборотъ, въ положеніи русскихъ въ Средней Азіи свѣтлыхъ сторонъ и притомъ такихъ, которыя давали бы имъ возможность съ увѣренностью, спокойно и хладнокровно ожидать возможныхъ недоразумѣній съ Англіею, еслибы, вопреки общественному мнѣнію и всѣмъ стремленіямъ правительства, подобное недоразумѣніе было вызвано какими-либо особыми обстоятельствами?

Опредѣленіе дѣйствительнаго взаимнаго положенія Англіи и Россіи въ Средней Азіи является необходимостью въ особенности по слѣдующимъ причинамъ: англійская печать послѣдняго времени съ особеннымъ рвеніемъ занималась вопросомъ о взаимномъ отношеніи русскихъ и англичанъ на азіатскомъ материкѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій передавались русской публикѣ, если не вполнѣ, то въ видѣ извлеченій и выдержекъ въ періодической печати.

Самостоятельныхъ же русскихъ сочиненій по означенному вопросу появилось очень мало [1]).

А потому относительное положеніе Англіи и Россіи въ Средней Азіи, съ русской точки зрѣнія, разсматривалось весьма мало. Неудивительно, что, подъ вліяніемъ англійскихъ мнѣній по среднеазіатскому вопросу, сложилось у нѣкоторой части общества убѣжденіе,

---

[1]) *Л. Ѳ. Костенко*, Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности; *Терентьевъ*, Россія и Англія въ борьбѣ за рынки; *Мартенсъ*, Россія и Англія въ Средней Азіи.

что вообще поступательное движеніе Россіи въ Среднюю Азію не вызывается дѣйствительною политическою необходимостью.

Мало того, многіе говорятъ, что при необходимости для Россіи серьёзно заняться внутренними вопросами, новыя пріобрѣтенія не только не принесутъ пользы, но могутъ оказаться весьма вредными, такъ-какъ, при ея плохомъ управленіи и огромныхъ разстояніяхъ, безъ путей сообщенія, рискованно приближаться къ могучему сосѣду, издавна отличающемуся умѣлостью и сильный флотъ котораго дастъ ему возможность такъ быстро подкрѣпить военныя силы въ Индіи.

Къ числу неудобствъ пользованія исключительно англійскими источниками относится еще и то, что нѣкоторыя обстоятельства, весьма существенныя при сравненіи положенія Англіи и Россіи въ Азіи, часто совершенно опускаются.

Кровавые взрывы въ Индіи и слѣдовавшія за ними энергическія, крайнія мѣры, которыми англичане подавляли возстаніе; затѣмъ, подтверждаемый всѣми путешественниками, фактъ крайней вражды и злобы населенія къ англичанамъ; постоянныя явленія голода, свирѣпствующаго въ цѣлыхъ странахъ и вырывающаго въ небольшіе промежутки времени массы населенія—все это тщательно обходится англійскими писателями, изображающими нынѣшнее отношеніе Россіи и Англіи къ ихъ владѣніямъ.

А между тѣмъ, это все факты несомнѣнные и подтверждающіе, что „блага“ столь воспѣтой англійскими писателями цивилизаціи, перенесенной англичанами на берега Инда и Ганга, весьма сомнительны, и что развитіе торговли, промышленности, путей сообщенія и даже школы не помогли индійцамъ переносить свое тяжелое положеніе и не отвлекли отъ попытокъ избавиться отъ него.

Точно также обходятся въ трудахъ англійскихъ авторовъ и такіе вопросы, какъ, напримѣръ, поземельный и податной, эти, можно сказать, самые существенные вопросы для каждаго населенія, каково бы ни было его экономическое развитіе, каковы бы ни были его вѣрованія и общественныя учрежденія.

Въ этомъ отношеніи любопытно взглянуть и сравнить положенія народонаселенія въ „облагодѣтельствованной“ англичанами Индіи и въ русскомъ Туркестанѣ.

Индія—преимущественно страна земледѣльческая, въ которой промышленность существовала лишь въ формѣ кустарныхъ промысловъ; въ ней издавна установился взглядъ на поземельную собственность, выраженный старой поговоркой—судръ (каста земледѣльцевъ), которые говорили: „земля наша, но доходъ съ нея—царскій“. Въ дѣйствительности такъ оно было, и порядокъ этотъ сложился въ самыя древнія, можно сказать, до-историческія времена; онъ былъ удер-

жанъ и монголами-завоевателями, которые, не вмѣшиваясь въ сложную и вѣками освященную индійскую сельскую общину и ея организацію, довольствовались только сохраненіемъ вышеозначеннаго начала, такъ какъ получаемый ими при этомъ поземельный доходъ былъ весьма значителенъ: индіецъ-землевладѣлецъ уплачивалъ 45% валоваго дохода.

При подобной подати, по исчисленію многихъ изслѣдователей означеннаго вопроса англичанъ, землевладѣлецъ платитъ все то, что получаетъ съ земли; и если онъ имѣетъ возможность существовать, то это благодаря лишь тому, что индійцы въ общинахъ живутъ весьма многочисленными семьями, что́ значительно удешевляетъ жизнь, и притомъ крайне умѣренны и требуютъ чрезвычайно мало для своей пищи, одежды и утвари.

Прежде подобная непомѣрно-большая подать хотя отчасти облегчалась отличнымъ устройствомъ общиннаго быта, хорошими качествами общиннаго начальства, необыкновенно искуснымъ и дешевымъ сборомъ податей и кадастромъ земель, который издавна былъ произведенъ въ Индіи и давалъ возможность равномѣрно распредѣлять подати.

Что же дѣлаютъ англичане по поземельному и податному вопросу?

Въ половинѣ XVIII столѣтія первыя значительныя пріобрѣтенія ость-индской компаніи заключались именно въ томъ, что великій Моголъ уступилъ, за нѣкоторыя услуги, три богатѣйшихъ округа, Бенгалъ, Бехаръ и Орисса, съ точки зрѣнія, именно взысканія съ нихъ поземельнаго налога.

Такимъ образомъ, англичане съ перваго же раза, а затѣмъ, при всѣхъ послѣдующихъ пріобрѣтеніяхъ, присоединеніяхъ и завоеваніяхъ, вездѣ и постоянно руководствовались однимъ и тѣмъ-же правиломъ—сохранять огромный поземельный налогъ, издревле установившійся въ Индіи и, какъ выше было сказано, доходившій до 45% съ валоваго дохода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что въ концѣ XVIII столѣтія положеніе дѣлъ для индусовъ значительно ухудшилось, такъ какъ вслѣдствіе нѣкотораго числа недоимокъ и безпорядковъ въ этомъ дѣлѣ лордъ Корнуэльсъ въ бенгальскомъ генералъ-губернаторствѣ и сэръ-Томасъ Монроэ въ мадрасскомъ разомъ уничтожили прежнюю, вѣками созданную организацію сельской общины съ ея своеобразными и неподвижными, какъ все въ индійской жизни, формами и установили новые порядки, новыя отношенія.

Замѣчательно, что оба названные администратора придали своимъ реформамъ совершенно различный характеръ: лордъ Корнуэльсъ

старался придать организаціи Бенгаліи аристократическій оттѣнокъ, сознавая и придавая особое значеніе крупной поземельной собственности; напротивъ того, въ мадрасскомъ президентствѣ сэръ Томасъ Монроэ придавалъ особое значеніе мелкой поземельной собственности, демократическому началу.

Впрочемъ, нужно сказать, что хотя англійскіе администраторы исходили отъ діаметрально противоположныхъ началъ, но пришли, можно сказать, къ одному и тому же результату—оба одинаково потерпѣли неудачу.

Неудачи, постигшія эти мѣры, по мнѣнію многихъ писателей, объясняются недостаточнымъ знакомствомъ англійскихъ администраторовъ съ условіями индійской жизни, съ средой, къ которой эти мѣры примѣнялись.

Монталамберъ, одинъ изъ глубочайшихъ почитателей англійской конституціи, издалъ въ 1858 году брошюру, подъ заглавіемъ „Пренія объ Индіи“, въ которой, восхваляя свободу парламентскихъ преній и возможность высказывать свои мнѣнія,—что̀ въ эту эпоху наполеоновскаго режима было совершенно недоступно во Франціи,—вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ, что во время преній, поднятыхъ въ парламентѣ вслѣдствіе постановленія Каннинга о конфискаціи земель у земиндаровъ и таллукдаровъ, онъ былъ пораженъ совершеннымъ отсутствіемъ у ораторовъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о поземельной собственности въ Индіи и объ отношеніи къ ней населенія.

Неудивительно поэтому, что новые порядки не прививались къ странѣ и служили причиной раззоренія для большинства населенія. Тяжелые налоги, собиравшіеся почти безнедоимочно, даже при монгольскихъ завоевателяхъ, стали поступать крайне неисправно. Слѣдствіемъ недоимокъ явилась продажа громаднаго количества земель; единственное средство помочь бѣдѣ—заключалось въ уменьшеніи налоговъ; правда, эта мѣра даже и предлагалась нѣсколько разъ, но не была приведена въ исполненіе, такъ какъ поземельный налогъ постоянно составлялъ почти единственную статью дохода сперва компаніи, потомъ правительства, а ежегодно увеличивавшійся бюджетъ англійскихъ владѣній въ Индіи не давалъ возможности осуществить эту мѣру.

Но главная причина неудачъ означенныхъ преобразованій, какъ уже было сказано, заключалась въ томъ, что они были предприняты безъ надлежащаго изученія и примѣненія къ той почвѣ, къ которой они прилагались.

Въ самомъ дѣлѣ, почву эту составляли незыблемыя формы, въ которыя вылилась индійская жизнь съ ея кастами, вѣрованіями, обычаями, освященными вѣками, никогда не измѣняющимися и рѣ-

шительно не поддающимися какимъ-бы то ни было измѣненіямъ и преобразованіямъ. Конечно, было бы еще нѣкоторое основаніе разсчитывать на успѣхъ, если бы эти реформы вносили съ собой хотя какое-нибудь улучшеніе или облегченіе быта; но, вѣдь, налогъ оставался тотъ же, измѣнялся лишь порядокъ сбора: вмѣсто прежнихъ, такъ-сказать, народныхъ сборщиковъ, устанавливались новые, зависящіе отъ иностранцевъ и, конечно, неудовлетворявшіе тѣмъ строгимъ требованіямъ, которыя предъявлялись лицамъ, назначавшимся ранѣе для отправленія этого, крайне важнаго и отвѣтственнаго вида общественной службы.

Податной и поземельный вопросы въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ разрѣшились совершенно иначе. Здѣсь, если и можно пенять на русскихъ, то развѣ только за дѣятельность совершенно противоположнаго характера. Подати, взимаемыя съ туземцевъ, были гораздо менѣе значительны податей, платимыхъ русскимъ населеніемъ даже въ томъ же Туркестанскомъ краѣ; такъ, напримѣръ, въ Сыръ-Дарьинской области за 1867 годъ, если сдѣлать раскладку по числу народонаселенія русскаго и туземнаго, то окажется, что русскіе внесли по 8 руб. 44 коп. съ человѣка, а туземцы лишь по 1 руб. 50 копѣекъ.

По проекту положенія для управленія киргизскими степями и Туркестанскимъ краемъ населеніе раздѣлено на двѣ категоріи: кочевниковъ и осѣдлыхъ; съ первыхъ взимается покибиточный сборъ по $3^1/_2$ рубля съ кибитки или по 70 коп. съ человѣка (считая среднимъ числомъ пять человѣкъ на кибитку), а со вторыхъ взимается поземельная подать (хераджъ), въ размѣрѣ около рубля съ человѣка, что̀ не можетъ считаться сколько-нибудь обременительнымъ.

Кромѣ того, сборъ податей былъ возложенъ на туземное, сельское и волостное начальство, такъ что если и были случаи злоупотребленій и неудовольствій, то они вызывались своими же единоплеменниками, а русскій чиновникъ, скорѣй, являлся защитникомъ народа и контролеромъ дѣятельности туземныхъ властей.

Такимъ образомъ, главная и самая существенная для народа вещь—податная система явилась въ Индіи со стороны англичанъ новымъ тяжелымъ бременемъ, увеличивающимъ и безъ того невыносимо-трудное положеніе населенія.

Напротивъ того, для вновь присоединенныхъ подданныхъ Россіи податная система, введенная изъ Средней Азіи, быть можетъ въ ущербъ русскимъ въ Туркестанѣ, для жителей туземцевъ, во всякомъ случаѣ, была значительнымъ улучшеніемъ сравнительно съ прежнимъ положеніемъ у нихъ этого вопроса.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для каждаго народа, на

ряду съ духовными и высшими стремленіями, и даже выше ихъ, будетъ всегда стоять стремленіе къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей; а потому какъ бы ни были „облагодѣтельствованы“ индійцы при помощи „высшихъ школъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ“ и прочихъ благъ цивилизаціи,—врядъ-ли они будутъ благодарны за нихъ чужестранцу, который, взамѣнъ этого, обременяетъ ихъ тяжелыми налогами.

Такимъ образомъ, поземельная реформа въ Индіи во многихъ отношеніяхъ ухудшила положеніе народа сравнительно съ періодомъ предшествовавшимъ англійскому владычеству, что́, безъ сомнѣнія, отразилось на общемъ экономическомъ состояніи Индіи. Многіе цвѣтущіе земледѣльческіе округа были обращены въ пустыню, какъ, напр., земля Роиловъ, почти поголовно истребленныхъ. Майзоръ, по словамъ Милля, подъ властью Типпо Саиба, былъ самою обработанною страною, а жители его самымъ счастливымъ народомъ въ Индіи. Подъ англійскимъ же управленіемъ жители Карнатика и Луда совершенно обѣднѣли. Другой англійскій писатель, Шоръ, говоритъ прямо: мусульмане больше заботились о благѣ народа чѣмъ англичане. Одинъ только султанъ, Фирусъ-Тохлокъ, построилъ 50 рѣчныхъ плотинъ для орошенія полей, 40 мечетей, 30 учебныхъ заведеній, 100 караванъ-сараевъ, 30 бассейновъ для сохраненія воды внутри страны, 100 больницъ, 150 мостовъ, 100 общественныхъ бань и множество другихъ полезныхъ заведеній. Его примѣру слѣдовали Акберъ, Шахъ, Джеханъ и другіе. Въ особенности замѣчательно царствованіе Акбара, этого знаменитаго правнука Тамерлана, въ мудрое управленіе котораго Индія достигла значительнаго экономическаго развитія. Но при англичанахъ превратилось въ развалины все, что́ было построено ихъ предшественниками.

Правда, съ тѣхъ поръ англичане многое сдѣлали въ этомъ отношеніи, но можно съ увѣренностью сказать, что далеко еще не вознаградили страну за разрушенныя ими магометанскія сооруженія. Дѣло въ томъ, что англичане заботятся, главнымъ образомъ, о постройкѣ дорогъ и каналовъ и преимущественно преслѣдуютъ чисто торговыя цѣли и интересы торговаго сословія; между тѣмъ такія сооруженія, какъ плотины, отводные и оросительные каналы, запасные водные бассейны въ особенности необходимы для Индіи въ виду частыхъ засухъ и наводненій, самымъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ которыхъ является страшный голодъ, уничтожающій цѣлыя провинціи. Такъ, напр., въ 1865 — 1866 году въ одной только провинціи Орисса изъ 2.600,000 жителей умерло отъ голода болѣе 1.000,000 человѣкъ, а въ Бенгалѣ въ 1870 году умерло съ голода около 10.000,000 человѣкъ.

Обширныя пространства прежде обработываемой земли были

брошены и поросли камышомъ. Знаменитый Боркъ, въ виду подобныхъ фактовъ, выразилъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что „Бенгалъ занятъ англичанами, но не управляется ими“.

Цѣлые милліоны индійскаго пролетаріата живутъ подъ ежедневнымъ страхомъ голодной смерти. Они принадлежатъ къ многочисленнымъ, болѣе или менѣе презираемымъ кастамъ, напримѣръ: солеваровъ, кожевниковъ, кузнецовъ, гончаровъ и т. д. Все это люди крайне бѣдные, полунагіе и бо́льшею частью бездомные. Несмотря на весьма тяжелую работу, они получаютъ настолько ничтожную плату, что не могутъ удовлетворить даже своимъ первымъ потребностямъ. Оптимисты утѣшаются тѣмъ, что́ въ послѣднія 20 лѣтъ задѣльная плата все болѣе повышается, что̀, конечно, не представляется особенно утѣшительнымъ; дѣйствительно, абсолютная цифра задѣльной платы увеличилась, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилась, притомъ въ нѣсколько бо́льшей пропорціи, и цѣнность всѣхъ продуктовъ, такъ что въ концѣ-концовъ положеніе рабочихъ еще болѣе ухудшилось.

До англійскаго владычества Индія славилась своими мануфактурами, и значительная часть ея населенія занималась выдѣлкою тканей, начиная съ самыхъ грубыхъ и кончая самыми утонченными.

Надо при этомъ замѣтить, что всѣ производства, изъ которыхъ многія дошли до высокой степени совершенства, всегда имѣли характеръ кустарный. Большею частью одинъ изъ членовъ земледѣльческой семьи райотовъ устанавливалъ въ своей утлой лачугѣ станокъ и на немъ ткалъ тѣ знаменитыя кисеи и шали, которыми одинаково восхищался и далекій западъ, и крайній востокъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что могущественныя фабричныя и промышленныя заведенія Манчестера, Ливерпуля и Бирмингама, въ самомъ непродолжительномъ времени, задушили кустарную промышленность индійскихъ мелкихъ фабрикантовъ, и, по общимъ отзывамъ, какъ писателей объ Индіи, такъ и изслѣдователей ея экономическаго быта, фабричная и преимущественно кустарная индійская промышленность почти совершенно упала. Осталось только производство шалей, но и то ежегодно уменьшается, такъ-какъ сбытъ ихъ, вслѣдствіе обѣднѣнія Персіи и Турціи, съ каждымъ годомъ становится затруднительнѣе.

Нужно при этомъ прибавить, что индійская промышленность была убита не простымъ, такъ сказать, свободнымъ соперничествомъ съ англійскими произведеніями; для этого были употреблены еще вспомогательныя мѣры. Всѣ машины, всѣ орудія производства были обложены тяжелыми налогами: „маслобойня“, говоритъ Кэри, „печь гончара, инструменты золотыхъ дѣлъ мастера, пила лѣсопильщика, ткацкій станокъ, лодка рыбака—все было подвергнуто налогу“. Въ

то же время англійскимъ правительствомъ давались всевозможныя льготы для англійскихъ фабрикантовъ, щедро надѣлявшихъ Индію своими произведеніями, вслѣдствіе чего ввозъ ихъ увеличивался съ каждымъ годомъ, и въ то же время сокращалось туземное производство, а съ нимъ и средства къ жизни. Систематическое уничтоженіе мануфактурной и промышленной дѣятельности въ Индіи отдало страну въ безусловное распоряженіе англійскихъ фабрикантовъ.

Точно также была захвачена и торговля англичанами, которые постарались сдѣлать индійцевъ своими поставщиками сырья и покупателями своихъ мануфактурныхъ издѣлій, выдѣланныхъ бо́льшею частью изъ того же индійскаго сырья. Конечно, англичанину было выгодно, когда индіецъ отдавалъ ему фунтъ хлопка за $1^1/_2$ копѣйки и получалъ его обратно въ переработанномъ, на англійскихъ фабрикахъ, видѣ за 45—50 копѣекъ.

Но обработка дешеваго сырья и дорогая плата за англійскія мануфактуры разорили Индію не менѣе, чѣмъ поземельная реформа.

Въ этомъ отношеніи экономическая политика Россіи въ Среднеазіатскихъ владѣніяхъ не имѣетъ ничего подобнаго описанному. Подати, платимыя туземцами, какъ уже было сказано, весьма незначительны.

Кромѣ того, правительство принимало нѣкоторыя мѣры къ увеличенію благосостоянія края. Сознавая преимущество осѣдлаго быта предъ кочевымъ, оно пріохочивало туземцевъ къ земледѣлію и съ этой цѣлью ссужало ихъ деньгами, сѣменами и земледѣльческими орудіями.

Что же касается торговли и промышленности, то дѣйствительно, со времени занятія Ташкента и другихъ городовъ Средней Азіи, привозъ русскихъ товаровъ и, въ особенности, хлопчато-бумажныхъ издѣлій принялъ значительные размѣры, но это совсѣмъ не служитъ признакомъ того, что русская промышленность убила туземную, напротивъ: это есть еще одинъ изъ признаковъ увеличивающагося благосостоянія края, такъ-какъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ привоза,—увеличился и вывозъ и производство на мѣстѣ.

Такъ, напримѣръ, въ 1857 году вывозилось изъ Средней Азіи товаровъ на $5^1/_2$ милліоновъ руб., а черезъ 10 лѣтъ, въ 1867 году, ихъ вывозилось уже на сумму около 10 мил. рублей.

Но едва ли не самая важная роль Россіи, въ дѣлѣ развитія среднеазіатской промышленности и торговли,—а съ ними и благосостоянія края, заключается въ дарованномъ краю спокойствіи и обезпеченіи цѣлости имущества, при которыхъ только и мыслимо промышленное развитіе.

Таково дѣйствительное положеніе дѣлъ въ Индіи и въ нашихъ

среднеазіатскихъ владѣніяхъ по вопросамъ первостепенной важности, но о которыхъ, тѣмъ не менѣе, англійскіе писатели умалчиваютъ.

Но за то они нисколько не стѣсняются по части нападокъ на русскую администрацію съ точки зрѣнія злоупотребленій и того пагубнаго вліянія, которое она, будто бы, имѣетъ на нашихъ среднеазіатскихъ подданныхъ.

Нападенія эти бо̀льшею частью позаимствованы изъ книги бывшаго въ Петербургѣ американскаго консула Скайлера, книги, не лишенной литературныхъ достоинствъ, но отличающейся, во многихъ отношеніяхъ, крайнею односторонностью.

Нельзя по этому поводу не обратить вниманія на нѣкоторую особенность русской жизни. Русскіе имѣютъ необыкновенную способность выказывать передъ первымъ попавшимся иностранцемъ всѣ ихъ мелкія дрязги и „исторіи“. Какой-нибудь, самъ по себѣ незначительный, фактъ передается въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ, затѣмъ онъ подхватывается людьми, падкими до „исторій“, еще болѣе преувеличивается, искажается и, наконецъ, прошедши длинный рядъ такихъ измѣненій, является въ видѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ своимъ первообразомъ. Конечно, нельзя утверждать, чтобы въ Туркестанскомъ краѣ не было никакихъ злоупотребленій по административной части. Напротивъ того, они положительно существовали и, вѣроятно, существуютъ; но дѣло въ томъ, что въ книгу Скайлера они вошли въ крайне преувеличенномъ видѣ, а съ его легкой руки пошли тѣ щедрыя нареканія на русскую администрацію въ Средней Азіи, которыя такъ и сыпятся со стороны иностранцевъ и въ особенности англичанъ.

Гёте сказалъ, что весь умъ человѣческій заключается въ умѣньи reduciren und klassificiren, т.-е. умѣньи выбора и правильнаго расположенія фактовъ.

Вотъ этого-то качества именно и не доставало Скайлеру. Многіе изъ фактовъ, имъ приведенныхъ, вѣрны, но онъ не съумѣлъ дать имъ надлежащую оцѣнку; ему, какъ выражаются нѣмцы, „деревья помѣшали видѣть лѣсъ“. Г. Скайлеръ на все смотрѣлъ черезъ призму безпорядковъ и при этомъ совершенно упустилъ изъ виду все то доброе, что́ было внесено русскими въ Среднюю Азію; онъ совершенно не понялъ всѣ тѣ выгоды, которыя извлекли туземцы изъ установленныхъ русскими весьма умѣренныхъ налоговъ; его не поразило то широкое начало самоуправленія въ ближайшихъ къ народу инстанціяхъ, которое составляетъ общее достояніе русскаго народа и одно изъ непреложныхъ и добрыхъ началъ въ его общественной организаціи.

Единственно, чѣмъ онъ былъ пораженъ—это спокойствіе, которое русскіе внесли въ города, селенія и караванные пути;—это одно онъ

признаетъ за русскимъ владычествомъ, и это одно, съ его легкой руки, признаютъ за русскими и англійскіе писатели.

Но врядъ ли всѣ слова, сказанныя Скайлеромъ, должны быть признаваемы за евангельскія истины; а потому къ дѣлу такого огульнаго порицанія всей русской администраціи въ Средней Азіи необходимо отнестись съ нѣкоторою осторожностью.

Во всякомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы англійская администрація въ Индіи отличалась неизмѣримымъ превосходствомъ и совершеннымъ безкорыстіемъ. По крайней мѣрѣ, если судить даже исключительно на основаніи англійскихъ источниковъ, то окажется, что англійскимъ администраторамъ многое, многое можно поставить въ укоръ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только прочесть сочиненіе Торренса „Имперія въ Азіи“.

Это, впрочемъ, станетъ ясно, если указать на мотивы, которыми руководствовалось правительство при выборѣ администраторовъ въ Индію. Со времени лорда Корнуэльса, служба въ Индіи сдѣлалась средствомъ обогащенія младшихъ сыновей англійской аристократіи. И дѣйствительно, Англія высылала массы этихъ „наслѣдниковъ безъ наслѣдствъ“ въ Индію, гдѣ они должны были заслужить пожизненный доходъ, сообразный съ ихъ высокимъ происхожденіемъ; только съ 1834—1852 гг. такихъ юношей отправилось въ Индію 5,284, да еще 1,440 человѣкъ, не столь знатныхъ фамилій. Едва ли нужно говорить, каковы администраторы,—эти юноши, являющіеся въ край съ такими стремленіями.

Кромѣ того, общій голосъ какъ англійскихъ писателей, такъ и различныхъ путешественниковъ говоритъ о неприступной гордости англійскаго джентльмена, пріѣхавшаго для управленія въ Индію; какъ офицеръ самаго низшаго чина, такъ и чиновникъ, занимающій самый невысокій постъ, считаютъ индійца, положительно, человѣкомъ низшаго разряда, хотя бы онъ принадлежалъ даже къ какому-нибудь роду *раджей*, ведущихъ свою родословную съ такого времени, когда пресловутой англійской аристократіи еще и не существовало.

Англичанинъ приноситъ на дальній востокъ, куда онъ стáрается прибыть, по-возможности, на короткое время, всѣ свои привычки, всѣ тѣ условія жизни, къ которымъ его пріучила чопорная англійская жизнь. Онъ окружаетъ себя массою слугъ, всевозможнымъ комфортомъ, затѣмъ съ величайшимъ презрѣніемъ смотритъ на то населеніе, судьбами котораго онъ призванъ управлять и которое ему совершенно чуждо.

Въ самомъ дѣлѣ, англичанину не только чужда, но и враждебна та особая, строго опредѣленная организація, въ которую, съ незапамятныхъ временъ, сплотилось индійское населеніе.

Устройство кастъ, вѣками утвердившихся въ Индіи, несмотря на всевозможные перевороты и завоеванія, находится и понынѣ въ полной силѣ. На основаніи этого кастоваго устройства и брамины (духовные), и кшатріи (воины), и весни (купцы) и судры (земледѣльцы) —всѣ они одинаково считаютъ англичанина существомъ нечистымъ, и никакія богатства въ мірѣ, никакія мученія не могутъ заставить ихъ сѣсть за одинъ столъ съ англичаниномъ. Только одни паріи (отверженные) готовы дѣлить хлѣбъ-соль со своими англійскими владыками.

Русскіе въ этомъ отношеніи стоятъ въ Средней Азіи въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Конечно, мусульманское населеніе Средней Азіи, въ большинствѣ случаевъ, относится къ русскимъ, какъ къ гяурамъ (невѣрнымъ), недостойнымъ участвовать во всѣхъ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя рай Магомета обѣщаетъ всякому правовѣрному. Несомнѣнно также, что и въ русскомъ Туркестанѣ существуетъ между туземцами много недовольныхъ, много лицъ, положеніе которыхъ сильно измѣнилось къ худшему; большею частью лица эти принадлежатъ къ классу бывшихъ администраторовъ, нынѣ лишенныхъ власти и значенія. Несомнѣнно, что между туземцами есть и такіе люди, которые неохотно примиряются съ новымъ положеніемъ вещей, съ положеніемъ побѣжденнаго, которому такъ трудно бываетъ простить своему побѣдителю. Но въ то же время, нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти обстоятельства сильно смягчаются характеромъ русскихъ, ихъ мягкостью, добродушіемъ и способностью воспринимать привычки и обычаи той страны, въ которой они живутъ.

Вслѣдствіе этого, въ Туркестанѣ очень быстро завелось знакомство между сартами и русскими, которые посѣщаютъ другъ друга и поддерживаютъ дружественныя сношенія, причемъ со стороны русскихъ не имѣется и тѣни презрѣнія къ побѣжденнымъ.

Все это, конечно, повело къ смягченію и даже полному предотвращенію многихъ столкновеній, неизбѣжныхъ между побѣдителями и побѣжденными.

Посмотримъ теперь на положеніе вопроса, имѣющаго такое громадное значеніе въ жизни народовъ—вопроса религіознаго, и на тѣ отношенія, которыя установились къ нему, какъ со стороны англичанъ, такъ и со стороны русскихъ въ подпавшихъ ихъ владычеству земляхъ.

М. Анненковъ.

АХАЛЪ-ТЕКИНСКІЙ ОАЗИСЪ

И

ПУТИ ВЪ ИНДІЮ.

II *).

Въ Индіи, рядомъ съ огромнымъ большинствомъ (до 4/5 населенія) индусовъ, англичанамъ пришлось встрѣтиться еще и съ магометанами.

Англійская политика была преимущественно основана на особомъ покровительствѣ исламизму. Изъ послѣдователей Магомета набирались большею частью туземныя войска, изъ нихъ же выбирались мелкіе чиновники для второстепенныхъ мѣстъ, предоставлявшихся англичанами туземцамъ; они сдѣлали это отчасти потому, что явились преемниками мусульманъ, владѣвшихъ до того Индіей и которымъ они должны были оставить часть власти, — отчасти же вслѣдствіе недовѣрія къ индусамъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы мусульманская часть населенія Индостана всегда и вездѣ одинаково вѣрно служила интересамъ Великобританіи.

И возстаніе сипаевъ въ 1859 году, большая часть участниковъ котораго были магометане, и движеніе вагабитовъ въ Сѣверной Индіи, и постоянныя кровопролитныя войны съ афганистанскими горцами, изъ коихъ столь памятна ситанская экспедиція 1863 года на гору Махабунъ—все это вмѣстѣ взятое даетъ поводъ сильно сомнѣваться, чтобы магометане были столь вѣрными и преданными англійской политикѣ, какъ это нѣкоторые предполагаютъ.

Съ другой стороны, Индія съ давнихъ временъ служила приман-

---

*) См. выше: май, стр. 317.

кой для весьма значительнаго числа христіанскихъ миссіонеровъ; начиная съ Несторіанской епархіи, которая была образована въ Гоа, сюда начали являться и католики, и протестанты всевозможныхъ національностей и оттѣнковъ. Въ Индію ихъ привлекала кажущаяся легкость обращенія индусовъ въ христіанство. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени любопытны многія записки и даже цѣлыя книги, напечатанныя миссіонерами по настоящему вопросу.

Дѣйствительно, въ началѣ индусы принимали, повидимому, съ необыкновенною легкостью основные догматы христіанской религіи,— такъ что были миссіонеры, считавшіе своихъ прозелитовъ десятками тысячъ; но затѣмъ миссіонеры сами же убѣждались, что вновь обращенные принимали только тѣ изъ догматовъ христіанской религіи, которые подходили къ ихъ браманскимъ вѣрованіямъ, и затѣмъ оставались непоколебимо твердыми въ огромной массѣ своихъ вѣрованій и убѣжденій, которыя совершенно не сходны съ христіанской религіей и не могутъ быть допускаемы ею.

Нѣкоторымъ изъ миссіонеровъ удалось составить себѣ извѣстное число послѣдователей святостью своей жизни, вліяніемъ, которое они умѣли пріобрѣтать на массу, и горячностью тѣхъ убѣжденій, которыя они проводили. Но для этого имъ приходилось проходить чрезъ невѣроятные подвиги самоотверженія, жить подобно бѣднѣйшимъ индусамъ и вообще служить примѣромъ мужества въ перенесеніи разнаго рода лишеній. Но и на этомъ поприщѣ, приближающемся, такъ сказать, къ мученичеству, они были положительно побѣждены тѣмъ, невѣроятнымъ по степени самопожертвованія, фанатизмомъ, которымъ такъ отличаются факиры и ихъ многочисленные послѣдователи.

Такимъ образомъ, христіанская пропаганда, съ которой въ Индію явились цѣлыя массы людей, не имѣла тамъ положительнаго успѣха; но мало того, она имѣла еще и дурныя стороны, притомъ довольно серьёзныя: въ народѣ, напр., укоренилось мнѣніе, что у завоевателей есть непреклонное намѣреніе насиловать его убѣжденія и заставить отказаться отъ вѣры предковъ.

Но въ особенности народъ не могъ быть доволенъ, когда англійское правительство, назначая въ Индію епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, заставляло магометанъ и браманистовъ содержать ихъ. Насколько эти расходы были велики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несоразмѣрны съ расходами на другія потребности—видно изъ того, что въ 1851 году жители Индостана, браманисты и магометане, уплатили на содержаніе англійскаго духовенства 112,425 фунт. стерл. и въ то же время на потребности просвѣщенія—66,993 фунт. стерлинговъ.

Русскіе и въ этомъ отношеніи держались другого способа дѣйствій;

хотя, впрочемъ, нужно сказать, что раціональность его въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже не можетъ быть одобрена, но по совершенно инымъ причинамъ.

Русскіе относились къ религіозному вопросу туземныхъ жителей Туркестана совершенно равнодушно, и сколько извѣстно, тамъ вовсе и не появлялись русскіе миссіонеры; но русскіе въ этомъ отношеніи не ограничились пассивною ролью; они пошли потомъ такъ далеко, что, можно сказать, навязывали магометанство киргизамъ, издавна славящимся своимъ религіознымъ индифферентизмомъ, и между которыми только князья и ханы въ дѣйствительности были магометанами; а между тѣмъ, одно время, русское правительство начало строить въ киргизскихъ степяхъ мечети для этихъ мнимыхъ послѣдователей ислама. Конечно, съ основательностью этого распоряженія нельзя согласиться, но тѣмъ не менѣе безспорно, что совершенный индифферентизмъ русскихъ въ религіозномъ вопросѣ, и даже болѣе, чѣмъ индиферентизмъ, долженъ былъ вполнѣ успокоить побѣжденныхъ съ точки зрѣнія неприкосновенности ихъ совѣсти, ихъ вѣрованій.

Исторія неоднократно показываетъ, что магометанскія населенія способны на взрывы самаго ожесточеннаго фанатизма. Появленіе одного духовнаго лица, умѣющаго увлечь за собою массы, способно воскресить потухающій огонь ислама — этой религіи, основанной на мечѣ и силѣ. Конечно, подобный взрывъ возможенъ какъ въ Индіи, такъ и въ русскомъ Туркестанѣ, съ той громадной разницей для обѣихъ державъ, что въ Индостанѣ на 250 милліоновъ индусовъ, изъ коихъ 30 милліоновъ мусульманъ, имѣется 60 тысячъ собственно англійскаго войска,—причемъ все народонаселеніе скучено такъ, что на квадратную милю приходится 4,356 человѣкъ. Въ русскомъ же Туркестанѣ $3^1/_2$ милліона жителей, на которыхъ приходится 45 тысячъ русскихъ войскъ, при огромной разбросанности населенія, а именно 56 человѣкъ на квадратную милю.

Такимъ образомъ, для Россіи общій взрывъ фанатизма представляетъ гораздо меньше опасности, чѣмъ для англичанъ въ Индіи, гдѣ, въ буквальномъ смыслѣ, недостаетъ только кого-нибудь, кто бы послѣдовалъ примѣру Туссенъ-Лувертюра, который весьма наглядно доказывалъ возможность поглощенія бѣлыхъ неграми, встряхивая большое количество черныхъ бобовъ съ очень небольшимъ количествомъ бѣлыхъ. Число англичанъ въ Индіи дѣйствительно весьма незначительно, такъ какъ сюда пріѣзжаютъ лишь лица, предназначенныя для занятія мѣстъ въ администраціи или же для военной службы.

Англичане, можно сказать, и не дѣлали попытокъ къ колонизаціи страны своими единоплеменниками. Въ эпоху самаго сильнаго

движенія ирландскихъ эмигрантовъ въ Сѣверную Америку въ 30—40-хъ годахъ и въ мысль никому не приходило направить колонизацію въ Индію. Трудно опредѣлить истинныя причины, почему означенная колонизація въ дѣйствительности не происходила, но это фактъ несомнѣнный и, вѣроятно, на него вліяло, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, весьма значительное количество разнообразныхъ причинъ. Тутъ сказалось и политическое недовѣріе къ ирландцамъ, которые большею частью выселялись не только въ голодные годы, но въ особенности въ годы, когда броженіе подстрекалось враждебными Англіи политическими партіями.

Несомнѣнно, тутъ имѣлъ вліяніе и убійственный для англичанъ климатъ, который, въ особенности, плохо выдерживаютъ дѣти, такъ что всѣ, сколько-нибудь достаточные, родители посылаютъ своихъ дѣтей для воспитанія постоянно въ Англію. Но несомнѣнно также, что никакой серьёзной попытки колонизаціи англичанами въ Индіи не сдѣлано, и что, наоборотъ, каждый англичанинъ думаетъ о томъ, какъ бы въ Индіи провести поменьше времени изъ своей служебной карьеры и въ этотъ, по возможности короткій, срокъ заработать и привезти въ Англію какъ можно болѣе средствъ для своей комфортабельной жизни въ возлюбленномъ отечествѣ.

Что касается русскихъ въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, то нельзя не видѣть, что, несмотря на всѣ затрудненія, которыми въ послѣднее время, послѣ освобожденія крестьянъ, правительство обставляло переселенія,—колонизація шла своимъ путемъ и притомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ, въ особенности по направленію Семипалатинска, Сергіополя, Копала и Вѣрнаго. Очень часто даже означенное переселеніе совершалось такъ, что о томъ ничего не знала мѣстная администрація, которая иногда находила значительныя села тамъ, гдѣ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, не числилось никакихъ поселковъ. Кромѣ того, при каждомъ изъ фортовъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ образовались небольшія поселки изъ выслужившихъ срокъ воинскихъ чиновъ, оставшихся тамъ для занятія торговыми дѣлами.

Существуетъ такого рода мнѣніе, что для Россіи новыя земельныя пріобрѣтенія не нужны, что и безъ того государство это слишкомъ обширно, а народонаселеніе въ немъ слишкомъ рѣдко.

Но на вопросъ о переселеніи, на вопросъ о пріобрѣтеніи новыхъ обширныхъ пространствъ, которыя могутъ быть заселены, лишь бы они были годны къ земледѣлію, не можетъ ли быть представленъ слѣдующій взглядъ:

Имѣть въ своемъ распоряженіи обширныя плодородныя земли, на которыя постепенно могутъ переселяться излишнія силы, не на-

ходящія болѣе для себя достаточно производительной рабочей дѣятельности,—не значитъ-ли располагать однимъ изъ новыхъ источниковъ богатства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ для улучшенія матеріальнаго быта тѣхъ населеній, которымъ уже недостаточно земли въ занимаемой ими мѣстности.

Что вновь занимаемыя плодоносныя пространства могутъ служить источникомъ богатства для страны, лучше всего убѣждаетъ изслѣдованіе о хлѣбной торговлѣ въ Америкѣ г. Орбинскаго, который доказываетъ, что, вмѣстѣ съ отличными способами передвиженія хлѣбныхъ товаровъ, сильнымъ развитіемъ кредита, введеніемъ агрономическихъ машинъ и лучшихъ способовъ производства,—одна изъ причинъ, почему американцы начинаютъ одолѣвать русскихъ на европейскихъ рынкахъ въ дѣлѣ хлѣбной торговли, заключается въ обширныхъ пространствахъ земли, ежегодно американцами вновь запахиваемой и дающей обильные урожаи.

На это можно возразить, что Америка преимущественно получаетъ населеніе извнѣ, при помощи эмиграціи изъ Европы и другихъ частей свѣта, а что въ Россіи не имѣется, въ этомъ отношеніи, живыхъ силъ въ государствѣ.

Но и прошедшее, и настоящее положительно опровергаетъ подобнаго рода мнѣніе.

Давно ли новороссійскія степи служили только для пастьбы обширныхъ стадъ татаръ, владѣтелей Крыма и поселенныхъ на низовьяхъ Днѣстра и Днѣпра?

Еще 100 лѣтъ не успѣло пройти, а ужъ мы видимъ многолюдные, торговые города, обработанныя и дающія обильныя жатвы поля. И все это, надо замѣтить, произошло при отсутствіи путей сообщенія, такъ-какъ желѣзныя дороги только въ послѣднія 20 лѣтъ нѣсколько оживили этотъ богатый край.

Что же касается рѣдкости населенія въ Россіи, то это, конечно, можно признать справедливымъ относительно такихъ губерній, какъ, напримѣръ, вологодская, но это будетъ совершенно неправильно относительно губерніи, положимъ рязанской, гдѣ, въ раненбургскомъ уѣздѣ, арендная плата за десятину земли необыкновенно высока сравнительно со стоимостью обработки той же десятины.

Факты эти неотразимо доказываютъ, что въ этой мѣстности количество земли далеко не соотвѣтствуетъ количеству рабочей силы, могущей приложить свой трудъ къ обработкѣ земли.

Въ положеніи судебнаго дѣла также замѣчается совершенная противоположность между направленіемъ, даннымъ этому дѣлу въ Индіи и въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ.

Въ Индіи во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя управляются не-

посредственно англійскою администраціею—англичане уничтожили всѣ прежнія судебныя учрежденія и ввели англійскихъ судей, которые ведутъ дѣло или по индусскому закону, если судятся послѣдователи Брамы, или по корану, если судятся мусульмане, или, наконецъ, по англійскимъ законамъ, если въ дѣлѣ замѣшаны англичане.

Изъ экономическихъ видовъ число лицъ, назначенныхъ къ отправленію обязанностей судей, было весьма незначительно, такъ что территорія и въ особенности число жителей въ этомъ густо населенномъ краѣ совершенно не соотвѣтствовали числу судей.

Весьма значительное число англійскихъ писателей, и преимущественно вышедшихъ изъ судебнаго сословія, разсказываютъ самые невѣроятные факты, связанные съ этимъ преобразованіемъ: о невозможности для судей исполнять добросовѣстно ихъ обязанности при обширности ввѣренныхъ ихъ попеченію округовъ, о всѣхъ тѣхъ почти невѣроятныхъ затрудненіяхъ, которыя это дѣло внесло въ жизнь индійскаго народа, помимо уничтоженія формъ стариннаго суда, вслѣдствіе того духа формализма, который такъ свойственъ англійскимъ судьямъ,—духа быть можетъ заслуживающаго полнаго уваженія въ Англіи, но совершенно непримѣнимаго въ Индіи.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Торренсъ въ своемъ сочиненіи „Имперія въ Азіи“.

Самое замѣчательное изъ всѣхъ учрежденій индусовъ была вездѣ привившаяся система присяжныхъ, которые выбирались въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ всеобщей подачей голосовъ. Предсѣдатели этихъ судовъ были также выборные и притомъ принадлежали къ числу такихъ лицъ, которыя были извѣстны, какъ защитники народа отъ всякаго рода притѣсненій и злоупотребленій.

Каждый судящійся имѣлъ право удалить изъ состава присяжныхъ тѣхъ, которыхъ онъ считалъ способными пристрастно отнестись къ его дѣлу.

Быть выбраннымъ въ члены суда присяжныхъ считалось большимъ почетомъ, на выборъ же въ пресѣдатели подобнаго суда смотрѣли, какъ на высшую награду, которую общество можетъ предоставить одному изъ своихъ членовъ.

Торренсъ говоритъ: чтобы уничтожить подобные порядки, успѣвшіе войти въ плоть и кровь общества, надо было быть ослѣпленнымъ блескомъ завоеваній и безотвѣтственностью владѣнія завоеванной землей; тѣмъ не менѣе, эти учрежденія, оставленныя неприкосновенными даже и монголами, были уничтожены европейскими завоевателями, причемъ вмѣсто суда присяжныхъ были установлены судьи изъ англичанъ.

Такимъ образомъ, жителямъ приходилось являться предъ судомъ

не своихъ сограждан, а иностранца, который, конечно, не могъ знать и малой доли всѣхъ тѣхъ сложныхъ отношеній, которыя существуютъ въ индійской общинѣ.

Кромѣ того, и самое судебное разбирательство совершалось судьями, за незнаніемъ туземнаго языка, при помощи переводчиковъ, что́ также не можетъ быть отнесено къ удобствамъ новыхъ судебныхъ учрежденій.

Ни одинъ историкъ не можетъ говорить объ этомъ фактѣ, не осуждая его и не удивляясь вновь заведенному порядку.

Самъ Гэстингсъ, при которомъ означенное нововведеніе было сдѣлано, говоритъ, что онъ очень хорошо понимаетъ неудобство этой мѣры, но что это было необходимо, дабы между администраціей и судомъ не было постоянныхъ столкновеній, и вотъ причины, почему, несмотря на очевидное неудобство новаго судебнаго устройства, оно все-таки было введено.

Въ Туркестанскомъ краѣ судебный вопросъ былъ разрѣшенъ совершенно иначе. Для кочующихъ киргизовъ были установлены выборные судьи, такъ-называемые біи; судебная власть для сартовъ осталась по прежнему въ рукахъ кази, но при условіи выбора со стороны населенія округа. Русскимъ же судебнымъ учрежденіямъ предоставлены лишь тѣ дѣла, въ которыя были замѣшаны русскіе, и затѣмъ тѣ дѣла между туземцами, которыя, по предоставленному туземцамъ праву, вносились на судъ съ согласія обѣихъ тяжущихся сторонъ.

Такимъ образомъ, русскій судъ не имѣлъ характера апелляціоннаго, а только былъ, такъ сказать, высшимъ арбитромъ.

Для выясненія стратегическаго положенія русскихъ въ Средней Азіи и англичанъ въ Индіи, лучше всего остановиться на книгѣ Бульгера, который этому вопросу посвящаетъ нѣсколько объемистыхъ главъ и даетъ подробное описаніе, какъ организаціи, такъ и военныхъ силъ обѣихъ державъ.

Надо замѣтить, что многія изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, относительно русскихъ войскъ въ Туркестанѣ, довольно вѣрны, причемъ онъ чистосердечно признается, что русское, хотя и немногочисленное, войско въ Средней Азіи имѣетъ значительное превосходство предъ англійскимъ тѣмъ, что оно составлено изъ русскихъ элементовъ и что при этомъ русскіе не обучали туземцевъ военному дѣлу, такъ сказать „противъ самихъ себя“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вѣрно указываетъ на тѣ затрудненія, которыя Россія имѣла бы въ случаѣ необходимости подать туркестанскому округу подкрѣпленіе изъ Оренбурга, такъ-какъ подкрѣпленію этому надо употребить на переходъ около двухъ мѣсяцевъ.

Воззрѣнія его на кавказскую армію, на возможность подкрѣпить

туркестанскія войска со стороны Красноводска также вполнѣ оправдались послѣдними событіями. Но при всемъ томъ, кажется, что Бульгеръ не совсѣмъ вѣрно оцѣнилъ положеніе небольшой горсти англійскихъ войскъ въ Индіи, въ особенности при появленіи европейскаго врага, имѣющаго на своихъ границахъ регулярное войско. Главное затрудненіе, которое при этомъ встрѣтится, заключается именно въ свойствахъ индійскихъ войскъ, даже при томъ предположеніи, что войска эти останутся вѣрны своему долгу и не будутъ увлечены общимъ возстаніемъ, возможность котораго весьма вѣроятна.

Регулярное войско сильно, главнымъ образомъ, дисциплиною и тѣмъ духомъ, который въ немъ укрѣпляется путемъ извѣстнаго воспитанія. Между тѣмъ, въ воспитаніи туземныхъ индійскихъ войскъ главную роль играетъ убѣжденіе ихъ въ томъ, что европейцы значительно превосходятъ ихъ и представляютъ собою нѣчто для нихъ недосягаемое. Какъ же воспитаннаго такимъ образомъ индійскаго солдата, хотя бы и подъ начальствомъ англійскаго офицера, вывести въ поле и вселить въ него возможность побѣды надъ европейцемъ? Какъ ему объяснить, что вотъ эти войска, составленныя изъ европейцевъ съ тѣми же почти пріемами, какъ и англійскія войска, очень легко разбить, когда онъ жилъ и служилъ всю жизнь при томъ убѣжденіи, что европейскія войска непобѣдимы, что они составлены изъ высшаго рода людей и что они, индусы, безсильны противъ европейскаго строя? Бульгеръ въ своей книжкѣ предлагаетъ нѣсколько мѣръ, нужныхъ, по его мнѣнію, для усиленія англійскаго могущества въ Индіи; между прочимъ, въ особенности настаиваетъ на скорѣйшемъ уничтоженіи войскъ нѣкоторыхъ союзныхъ государей, которыхъ онъ считаетъ недостаточно надежными союзниками и войска которыхъ, въ случаѣ нападенія внѣшняго врага, могутъ быть опасными. Но врядъ ли эта мѣра и другіе предлагаемые Бульгеромъ палліативы могутъ принести существенную пользу. И въ этомъ отношеніи, кажется, положеніе англичанъ дѣйствительно серьёзно.

Первыя туземныя войска, подъ предводительствомъ Клайва, Гэстингса и Уэльсли (впослѣдствіи знаменитаго герцога Веллингтона), оказали англичанамъ значительную помощь въ дѣлѣ завоеванія Индіи. Многіе полки этой арміи покрыли себя громкою славою и дѣйствительно служили съ большимъ самопожертвованіемъ и мужествомъ. Многими изъ славныхъ военныхъ дѣйствій въ Индіи англичане обязаны первоначальнымъ организаторамъ означенныхъ туземныхъ полковъ, съумѣвшимъ понять и оцѣнить свойство тѣхъ солдатъ, которые имъ были ввѣрены, и дать имъ надлежащую организацію. Индійскіе солдаты, любящіе военное дѣло, весьма легко его усвоиваютъ, но при непремѣнномъ условіи личной преданности сво-

ему вождю. Это до такой степени вѣрно, что первые полки долго еще послѣ ихъ переформированія носили названіе своихъ первоначальныхъ организаторовъ. Такъ, напр., были полки Гемсена, Маттью и проч.

Само собою разумѣется, что этихъ свойствъ отъ начальниковъ можно было требовать только при первоначальной организаціи, когда полки были малочисленны. Какъ только армія разрослась и дошла, наконецъ, до нынѣшнихъ размѣровъ, когда въ рядахъ англо-индійской арміи считается до 200 тысячъ войска, удержать это свойство сдѣлалось невозможнымъ. Тутъ уже, такъ сказать, личные полки были немыслимы, — имъ поневолѣ пришлось придать болѣе общую организацію. Но и въ этомъ случаѣ были приняты нѣкоторыя мѣры, которыя даже англійскіе писатели считаютъ необходимымъ измѣнить. Такъ, напримѣръ, число офицеровъ изъ англичанъ было значительно увеличено противъ прежнихъ штатовъ, причемъ, конечно, уменьшилось число офицеровъ изъ туземцевъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ухудшилось и безъ того уже незавидное ихъ положеніе въ смыслѣ служебной карьеры. Для туземца были доступны только чины поручика и капитана; далѣе онъ идти не могъ. Такимъ образомъ, у офицеровъ отнималась возможность отличиться, выдвинуться впередъ, что̀, какъ извѣстно, во всѣхъ арміяхъ въ мірѣ составляетъ одно изъ весьма сильныхъ побужденій къ военнымъ подвигамъ.

Кромѣ того, послѣ возстанія сипаевъ, въ 1857 году было рѣшено не имѣть туземной артиллеріи за весьма небольшими исключеніями, сдѣланными для сѣверной части Индіи. Затѣмъ вся туземная пѣхота вооружена ружьемъ *Снайдера*, между тѣмъ, какъ англійская пѣхота вооружена ружьями *Генри Мартини*, несравненно лучшей системы, чѣмъ первыя.

Однимъ словомъ, туземныя войска поставлены въ такое положеніе, что они не могутъ не видѣть того недовѣрія, которымъ ихъ, со всѣхъ сторонъ, окружаетъ англійское правительство.

Войско, какъ извѣстно, держится на рядѣ нравственныхъ началъ: вѣрность царю и отечеству, знамя, изображающее честь и славу части, къ которой солдатъ принадлежитъ, любовь къ своей части, къ своей военной семьѣ—вотъ основанія нравственной силы солдата. Солдатъ свято блюдетъ все это, онъ сознаетъ долгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаетъ и свои права; онъ считаетъ себя защитникомъ извѣстныхъ началъ и, въ силу этого, лицомъ, заслуживающимъ довѣрія и уваженія.

Нельзя же допускать, напримѣръ, въ Европѣ мысль о войскѣ, гдѣ солдату дано будетъ ружье, но по улицамъ города за нимъ будутъ ходить два другихъ солдата, которые будутъ смотрѣть, чтобы

онъ не стрѣлялъ въ мирныхъ гражданъ; а въ сущности, въ такомъ именно положеніи находятся въ Индіи туземныя войска, которымъ не довѣряютъ артиллеріи и которымъ даютъ ружья менѣе хорошаго образца, очевидно съ тою цѣлью, чтобы ихъ легче побить, если бы они вздумали взбунтоваться.

Россель въ своемъ роскошно изданномъ сочиненіи о путешествіи въ Индію разсказываетъ эпизодъ, весьма ясно характеризующій отношенія англійскихъ офицеровъ къ сипаямъ.

Надо замѣтить, что все сочиненіе Росселя проникнуто глубочайшей признательностью къ англійскимъ офицерамъ за ихъ любезность и все то содѣйствіе, которое они ему оказали во время путешествія, а потому книга эта не только не безпристрастна, но, напротивъ, отличается явными симпатіями къ англичанамъ.

Между прочимъ, Россель разсказываетъ, что онъ находился въ Сегорѣ (королевство Бопалъ) во время празднованія дня рожденія королевы Викторіи. Во время завтрака, англійскій резидентъ, маіоръ Уильгсби Осборнъ нашелъ подъ салфеткою, положенную какимъ-то доброжелателемъ, вырѣзку изъ журнала, которая извѣщала о мѣстномъ возстаніи въ Мерутѣ и о томъ, что это только начало общаго возстанія сипаевъ. Было это въ 1867 году, и по этому поводу англійскій резидентъ разсказывалъ французскому путешественнику, что дѣйствительно были свѣдѣнія о волненіяхъ среди туземныхъ солдатъ и что, по его мнѣнію, движеніе это тѣмъ болѣе опасно, что подобныя движенія замѣчались въ десятилѣтніе періоды—такъ, напримѣръ, общему и сильному возстанію 1857 года предшествовали менѣе сильныя движенія въ 1847, 1837 и 1827 годахъ. Англійскій офицеръ безпокоился въ особенности потому, что въ это время у нижнихъ чиновъ были патроны на рукахъ, между тѣмъ, какъ обыкновенно ихъ стараются держать безъ патроновъ.

Нельзя не замѣтить, что оригинально состояніе того войска, гдѣ слѣдуетъ опасаться, что самыя средства, необходимыя для войны, находятся не въ безопасности, когда они въ рукахъ у тѣхъ, которымъ приходится ихъ употреблять.

На этотъ разъ частная вспышка была быстро подавлена; но при этомъ нельзя не замѣтить, что опасность существуетъ, если возможны факты, подобные вышеописанному.

Русскіе въ Средней Азіи не устраивали туземныхъ войскъ. Набираемые *джигиты* служатъ преимущественно какъ проводники, для перевозки почты и корреспонденціи и, въ рѣдкихъ случаяхъ, для исполненія сторожевой службы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ точки зрѣнія общей справедливости такая постановка вопроса неправильна, такъ-какъ туземцы

не несутъ главной повинности государства, повинности крови и жизни—воинской повинности. Но при этомъ нельзя не сказать, что въ виду недавняго покоренія страны, эта система кажется правильною и разумною. Несомнѣнно, что лучше выждать нѣкоторое время вводить воинскую повинность, нежели созидать самимъ себѣ непреодолимыя затрудненія организаціей туземной милиціи; впослѣдствіи, когда край освоится съ новымъ для него положеніемъ и сколько-нибудь пріобрѣтетъ право на званіе члена русской семьи—и въ этомъ краѣ, конечно, придется ввести тотъ порядокъ, который составляетъ основаніе русской военной системы, т.-е. воинскую повинность, и такимъ образомъ влить жителей Средней Азіи въ тотъ великій жерновъ русской арміи, гдѣ въ 75% велико- и мало-руссовъ такъ удачно до сихъ поръ смалывались столь разнообразные элементы нашихъ окраинъ.

Все вышесказанное достаточно указываетъ, что англійскіе писатели въ своихъ картинахъ относительнаго положенія Англіи и Россіи въ Средней Азіи, придаютъ слишкомъ темный колоритъ всему тому, что касается Россіи и, наоборотъ, не жалѣютъ яркихъ красокъ для того, чтобы представить положеніе Англіи въ Индіи въ наиболѣе розовомъ свѣтѣ.

Россія, какъ было сказано выше, не желаетъ столкновенія; напротивъ того, огромное большинство въ ней полагаетъ вполнѣ возможнымъ сойтись съ Англіей и дружески протянуть ей руку съ полнымъ и совершеннымъ убѣжденіемъ, что для каждой изъ двухъ великихъ державъ остается достаточное поле для дѣятельности и полезной, и плодотворной.

Но тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что значительное количество англійскихъ сочиненій посвящено исключительно цѣли доказать, до какой степени положеніе Россіи въ Азіи слабо и, наоборотъ, положеніе Англіи прочно, не безъинтересно будетъ ближе сравнить взаимныя отношенія обѣихъ державъ.

1) Русскіе въ своихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ имѣютъ главнымъ врагомъ огромныя разстоянія, пересѣкаемыя вдобавокъ безводными пространствами, что̀ крайне затрудняетъ какъ всѣ движенія войскъ, такъ и въ особенности подвозъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ.

Нельзя не сознаться, что пресловутый „корабль пустыни“, дѣйствительно приносящій столько пользы мирнымъ караванамъ, оказывается никуда негоднымъ для потребностей военныхъ передвиженій. Прежде всего, нельзя не обратить вниманія на то, что съ перваго же дня совмѣстной службы солдатъ и верблюдовъ между ними на-

чинается ожесточенная борьба, въ которой несомнѣнно побѣждаетъ человѣкъ и страдаетъ животное. Дѣло въ томъ, что всѣ условія жизни того и другого совершенно различны: верблюду выгодно выступить попозже, послѣ пастьбы, идти безъ привала медленнымъ шагомъ $3^1/_2$—4 верстъ въ часъ, придти пораньше и снова идти на пастьбу, которая притомъ, чтобы быть полезной, должна быть раскинута, по возможности, на большее пространство. Солдату, наоборотъ, лучше выступить пораньше, пока солнце не даетъ себя знать; ему необходимъ привалъ; кромѣ того, пастьба верблюдовъ для него представляетъ значительное увеличеніе и безъ того не легкихъ трудовъ, потому что послѣ перехода или привала надо идти въ пикетъ для прикрытія верблюдовъ. Напоить верблюдовъ, если транспортъ довольно значителенъ—опять не малый трудъ для солдатъ, прикрывающихъ верблюдовъ.

Кромѣ того, верблюдъ можетъ идти свободно только при извѣстномъ среднемъ грузѣ, котораго ни въ какомъ случаѣ не должно превышать. Но войсковыя части, несмотря на самыя большія усилія со стороны начальствующихъ лицъ, имѣютъ всегда обыкновеніе брать больше, чѣмъ слѣдуетъ, и такимъ образомъ совершенно изнуряютъ верблюдовъ. Результатомъ дурного и неумѣлаго ухода является страшная потеря верблюдовъ.

Но въ этомъ отношеніи и англичане, и русскіе во всѣ свои походы подвергались одной и той же участи: верблюды, такъ сказать, таяли въ ихъ рукахъ.

Лучшее подтвержденіе сказаннаго мнѣнія дала ахалъ-текинская экспедиція 1879 года, во время которой изъ 10,000 верблюдовъ погибло 9,600 шт., а также нынѣшняя экспедиція, къ концу которой изъ бывшихъ въ ея распоряженіи 18 тысячъ верблюдовъ осталась всего одна тысяча.

Безъ сомнѣнія, строющаяся нынѣ отъ Михайловскаго залива до Кизилъ-Арвата и уже отчасти построенная, желѣзная дорога значительно измѣняетъ положеніе дѣла. Эта дорога дастъ возможность справиться со всѣми прежними затрудненіями по части передвиженія войскъ и ихъ снабженія. Безводное пространство уже пройдено, и затѣмъ быстрая постройка дороги въ предѣлахъ плодоноснаго текинскаго оазиса дастъ несомнѣнно новое, усиленное орудіе войны.

2) Русскіе, какъ сказано было выше, не обучали своихъ среднеазіатскихъ подданныхъ военному дѣлу. Конечно, это лишитъ ихъ нѣкотораго числа союзниковъ, которые, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы быть полезны, но за то, съ другой стороны, гарантируетъ, въ случаѣ возстанія, отъ непріятеля, хорошо вооруженнаго, умѣющаго владѣть оружіемъ и знающаго европейскую тактику. Нужно,

впрочемъ, замѣтить, что въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы исключенія для тѣхъ изъ подвластныхъ Россіи азіатскихъ племенъ, которымъ есть основаніе довѣрять, которыя могутъ быть вооружены и употреблены съ значительной пользой на службу въ тылу. Такъ, напримѣръ, во время послѣдней ахалъ-текинской экспедиціи, адаевскіе киргизы, еще недавно волновавшіеся, служили отлично, съ замѣчательной вѣрностью, и многіе изъ нихъ совершили подвиги самопожертвованія, нерѣдко соединенные съ потерею жизни. Разъѣзды, перевозка почты и всякаго рода казенной корреспонденціи—все это лежало на нихъ. Они никогда не отказывались отъ тяжелой службы, хотя знали,что отъ текинцевъ имъ пощады не будетъ. И дѣйствительно, ихъ не мало погибло на русской службѣ.

Въ Индіи же имѣется 200 тысячъ туземнаго войска, отлично обученнаго, составленнаго изъ людей храбрыхъ и дисциплинированныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ, которые при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ обратить свою силу и искусство противъ тѣхъ, кого они призваны защищать.

Выше, при сравненіи англійскихъ и русскихъ военныхъ учрежденій, было изложено положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи; но здѣсь необходимо прибавить, что въ дѣлѣ народныхъ возстаній иногда самое ничтожное обстоятельство, какъ, напримѣръ, знаменитое дѣло о смазываніи патроновъ коровьимъ саломъ, вызвавшее возстаніе сипаевъ въ 1857 году, можетъ повести къ самымъ неожиданнымъ, къ самымъ серьёзнымъ результатамъ; и безъ сомнѣнія, этотъ, такъ сказать, народный взрывъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ масса, которой онъ сообщается, плотнѣе, чѣмъ населеніе гуще и чѣмъ она дольше сдерживалась подъ сильнымъ гнетомъ искуснаго и могучаго врага.

Въ этомъ отношеніи, какъ уже сказано выше, положеніе русскихъ болѣе счастливое. Огромное пространство, на которомъ разсѣяно населеніе Туркестана, допускаетъ лишь незначительные мѣстные взрывы, не имѣющіе ничего подобнаго подготовляемому англичанами взрыву 250-милліоннаго населенія.

3) Союзники могутъ также играть извѣстную роль въ возможномъ столкновеніи. Несомнѣнно, что переходъ отъ положенія независимыхъ владѣтелей къ положенію ленныхъ не могъ быть пріятенъ ни для хановъ, окружающихъ русскіе предѣлы, ни для прежнихъ сильныхъ властителей, окружающихъ индійскія владѣнія.

Въ этомъ отношеніи русскимъ надо быть совершенно готовымъ къ тому, что союзники ихъ неблагонадежны. Но и англичане находятся не въ лучшемъ положеніи. По крайней мѣрѣ, изъ исторіи послѣднихъ событій извѣстно, что эмиръ Кабула уступилъ нѣкоторый, небольшой участокъ своихъ владѣній владѣтелю Кашемира,

который далъ ему весьма значительную сумму денегъ, въ видѣ субсидіи для веденія войны съ англичанами. А между тѣмъ, послѣдній владѣтель считается однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ союзниковъ Англіи.

4) Отличная сѣть англійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Индіи, построенная весьма раціонально съ точки зрѣнія стратегіи для обороны сѣверо-западныхъ предѣловъ Индіи, послужитъ англичанамъ сильнымъ подспорьемъ въ военномъ отношеніи и дастъ возможность сосредоточить войска на томъ или другомъ угрожаемомъ пунктѣ. Но это все имѣетъ значеніе лишь при томъ предположеніи, что общее возстаніе въ Индіи не уничтожитъ означенной сѣти и не помѣшаетъ, такимъ образомъ, искусственнымъ путямъ сообщенія сослужить столь важную для англичанъ службу. Кромѣ того, Англія владѣетъ сильнымъ военнымъ флотомъ и самымъ могущественнымъ въ мірѣ торговымъ флотомъ. Но здѣсь опять надо замѣтить, что даже при направленіи на Суэзскій каналъ, необходимо около полутора мѣсяца, чтобы къ индійскимъ берегамъ могло приплыть сколько-нибудь значительное подкрѣпленіе.

Ничего подобнаго Россія не имѣетъ. Сѣть желѣзныхъ дорогъ въ ней далеко еще недостроена, количество паровыхъ и парусныхъ судовъ на Каспійскомъ морѣ незначительно. Тѣмъ не менѣе, Россія находится, въ этомъ отношеніи, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: постройка паровой дороги отъ Михайловскаго залива до Кизилъ-Арвата, можно сказать, значительно измѣнила положеніе дѣлъ, существовавшее до сихъ поръ. Безводное пространство не будетъ болѣе служить помѣхой къ быстрому появленію резерва въ Средней Азіи,—до оазиса онъ пройдетъ паромъ, а далѣе 100-тысячная армія можетъ во всякое время двигаться впередъ съ однимъ колеснымъ обозомъ, не требуя болѣе для себя столь дорого стоющихъ и столь быстро уничтожающихся верблюжьихъ транспортовъ.

Что же касается перевозки по Каспійскому морю, то здѣсь необходимо сдѣлать еще нѣкоторыя поясненія. Быстро развивающееся въ Баку нефтяное дѣло заставляетъ ежегодно увеличивать количество паровыхъ и парусныхъ судовъ на Каспійскомъ морѣ; но кромѣ того, въ случаѣ надобности, часть большихъ волжскихъ пароходовъ, въ особенности тѣхъ, которые ходятъ по Нижней Волгѣ, можетъ быть взята въ самое непродолжительное время для усиленія перевозочныхъ средствъ по Каспійскому морю. Въ крайнемъ же случаѣ туда могутъ быть переведены черезъ каналы суда изъ Балтійскаго моря.

Такимъ образомъ, вотъ въ какомъ видѣ представляется дѣйствительное положеніе дѣлъ.

Россія можетъ встрѣтиться въ Гератѣ или за Гератомъ, имѣя

100-тысячную однородную русскую армію, опирающуюся на желѣзную дорогу и далѣе на Волгу и Кавказъ.

Англія можетъ выставить тысячъ 30—40 отличнаго англійскаго войска и тысячъ 100 туземныхъ войскъ, такъ какъ часть войскъ необходима для оставленія гарнизоновъ въ Индіи.

Весь вопросъ, слѣдовательно, будетъ заключаться въ томъ, до какой степени англичане могутъ разсчитывать на своихъ туземныхъ союзниковъ и туземныхъ солдатъ.

Выше этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ подробно, и кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что союзники крайне сомнительны, солдаты крайне неблагонадежны. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ всѣ тѣ мѣры, которыя англичане сами принимаютъ въ этомъ смыслѣ и которыя ихъ же писатели такъ усиленно рекомендуютъ. Мѣры эти заключаются въ томъ, чтобы обезоружить и послѣднихъ ленныхъ владѣтелей, у которыхъ есть хотя нѣкоторое подобіе войскъ, и кромѣ того, еще болѣе усилить англійскій элементъ въ туземныхъ войскахъ и слѣдовательно, идти еще далѣе по тому пути недовѣрія, который и теперь такъ ясно проглядываетъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ, касающихся до туземныхъ войскъ.

Но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что борьба двухъ обширнѣйшихъ державъ въ мірѣ не можетъ быть дѣломъ легкимъ ни для той, ни для другой стороны. Не принесетъ она также и пользы ни имъ, ни вообще человѣчеству.

Тѣ жертвы, тѣ средства, которыя будутъ поглощены этой борьбой, могли бы найти несравненно лучшее назначеніе.

Россія не желаетъ борьбы; она вынуждена была произвести послѣднюю экспедицію, возбудившую столько опасеній и толковъ въ Англіи, исключительно ради цѣли окончательнаго умиротворенія русскихъ владѣній въ Средней Азіи. Текинцы покорены и нынѣ въ предѣлахъ русскаго вліянія нѣтъ болѣе племени, которое могло бы чѣмъ-нибудь обезпокоить ту или другую часть обширныхъ русскихъ владѣній въ Азіи. Теперь Россія можетъ направить всѣ свои усилія къ проложенію новыхъ путей, развитію торговли и промышленности въ этомъ, нынѣ совершенно успокоенномъ краѣ.

Торговыя сношенія Европы съ народами Средней Азіи восходятъ до самой глубокой древности, и коммерческій путь въ Индію—было завѣтное стремленіе народовъ всѣхъ временъ, — стремленіе, весьма понятное, если обратиться къ исторіи, ясно указывающей, что когда торговый путь на Индію принималъ извѣстное постоянное направленіе, то вмѣстѣ съ нимъ связывалось значительное развитіе и бо-

гатство того края, которому удавалось овладѣть означеннымъ путемъ.

Впервые упоминается въ исторіи объ этомъ пути при изслѣдованіи необыкновеннаго развитія цивилизаціи на берегахъ Тигра и Евфрата, гдѣ роскошный Вавилонъ и Ниневія получали индійскіе товары караванами, которые шли черезъ Белуджистанъ, далѣе черезъ страну халдеевъ, проникали въ Финикію, откуда уже финикіяне—эти смѣлые мореплаватели—развозили ихъ по всему Средиземному морю до отдаленныхъ береговъ Африки и Европы.

Этотъ путь изъ Индіи на западъ можетъ считаться первымъ.

Второй путь, по которому индійскіе товары направлялись въ древности на западъ, былъ, такъ сказать, проложенъ владѣльцами судовъ по Тигру и Евфрату, которые плавали не только по означеннымъ рѣкамъ, но, пройдя Персидскій заливъ и черезъ проливъ входили въ Аравійское море. И безъ сомнѣнія, удивительныя богатства Египта, древняя его цивилизація объясняются направленіемъ индійскаго торговаго пути по Аравійскому морю, и далѣе по особому каналу, вырытому Сезострисомъ для того, чтобы дать возможность индійскимъ товарамъ проходить въ Средиземное море.

Знаменитый индійскій походъ Александра Македонскаго, совершенный вдоль Атрека черезъ Гератъ, Кабулъ, Хейберскій проходъ до береговъ Инда и далѣе, не можетъ быть объясненъ никакою иною политическою идеею, какъ намѣреніемъ разбить Персію—это варварское государство, ставшее съ своими полчищами на пути между Европою и древнимъ Востокомъ. Трехлѣтній походъ Александра противъ кочующихъ, между Сыръ-Дарьею и Аму-Дарьею, племенъ получаетъ совершенно иное освѣщеніе, когда онъ объясняется не только страстью этого военачальника къ завоеваніямъ, какъ это многіе утверждаютъ, но, главнымъ образомъ, необходимостью обезпечить отъ постоянныхъ набѣговъ неутомимыхъ степныхъ наѣздниковъ большой торговый индійскій путь,—тотъ путь, ради котораго, въ то же время, Александръ приказывалъ строить суда и заводить флотилію на Каспійскомъ морѣ.

Этою же самою необходимостью обезпечить торговый индійскій путь, объясняется колонизація береговъ Аму-Дарьи и Мургаба, а также основаніе знаменитой Бактріаны, удержавшей на долгое время свое цвѣтущее состояніе.

Въ римскія времена индійскіе товары шли Аравійскимъ моремъ и волокомъ, черезъ Александрію, доходили до Рима, который ихъ настолько цѣнилъ, что тамъ ежегодно снаряжалось 120 судовъ для однихъ только индійскихъ товаровъ.

Затѣмъ начинается необыкновенное процвѣтаніе арабскаго пе-

ріода, причемъ, послѣ долгой борьбы между абасидами и омеидами, центральнымъ пунктомъ является Багдадъ, богатство котораго снова объясняется транзитнымъ путемъ изъ Индіи, какъ тѣмъ же объяснялось богатство древняго Вавилона и Ниневіи.

Но набѣги турокъ и монголовъ уничтожили цвѣтущее государство, и индійскій путь снова отклоняется къ Египту и идетъ черезъ Аравійское море. Путемъ этимъ (которымъ также пользовались арабы и даже дошли до Китая, гдѣ позаимствовали изобрѣтеніе компаса и пороха) индійскіе товары продолжаютъ приходить въ Европу до времени знаменитаго открытія Васко-де-Гама.

Въ послѣднее время нѣкоторые историки старались уменьшить значеніе услуги, оказанной міру португальцами; при этомъ говорили, что и прежде этотъ путь былъ извѣстенъ, что арабы изъ Аравійскаго моря доходили до мыса Доброй Надежды прежде Васко-де-Гама и что другіе европейскіе мореплаватели достигали означеннаго пункта по Атлантическому океану. Но во всякомъ случаѣ, португальцамъ принадлежитъ честь не только открытія, но и утвержденія этого новаго направленія индійскихъ товаровъ, благодаря побѣдамъ знаменитаго Альбукерка.

Дѣло въ томъ, что недостаточно было только открыть путь, но надо было, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторгнуть изъ рукъ семитовъ перевозку индійскихъ товаровъ, помѣшать имъ и вообще мореплавателямъ возить означенные товары египетскимъ путемъ, т.-е. черезъ Аравійское море. Для достиженія этой цѣли пришлось совершить рядъ славныхъ морскихъ кампаній, какъ въ Персидскій заливъ, такъ и въ Аравійское море и устроить тамъ нѣсколько морскихъ станцій. Это и было сдѣлано Альбукеркомъ, и въ этомъ заключается его заслуга въ дѣлѣ утвержденія за португальцами пути, столь способствовавшаго развитію ихъ богатства.

Такого рода дѣятельность португальцевъ заставила ихъ учредить рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ для обезпеченія проложеннаго ими пути: имъ принадлежалъ проливъ Бабъ-Эль-Мандебъ съ фортомъ на островѣ Сокотора; въ Персидскомъ заливѣ городъ Маскатъ, островъ и проливъ Ормузъ и наконецъ Бассора на Шатъ-Эль-Арабѣ, т.-е. при сліяніи Тигра и Ефрата въ одну рѣку.

Англичане, въ сущности, только продолжали начатое великимъ португальцемъ; установивъ рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ вдоль по пути къ Индіи и завладѣвъ ея торговлею, они утвердили за своей страной значеніе посредницы между торговлею востока и запада и тѣмъ положили основаніе изумительному богатству Англіи. Вся Европа, которая нуждается въ хлопкѣ, индиго, пряностяхъ и другихъ индійскихъ товарахъ, должна обращаться на англійскіе доки, кото-

рые составляютъ славу и богатство Англіи. Достигнуто это было, какъ сильнымъ развитіемъ коммерческаго и военнаго флота, такъ и устройствомъ ряда морскихъ станцій, предназначенныхъ для обезпеченія плаванія торговаго флота. Станціи эти на Средиземномъ морѣ: Гибралтаръ, Мальта и Кипръ—для обезпеченія пути на Суэзъ; затѣмъ островъ Св. Елены, мысъ Доброй Надежды и Иль-де-Франсъ—для обезпеченія пути вокругъ мыса Доброй Надежды, и, наконецъ, Перимъ и Аденъ—для обезпеченія плаванія по Аравійскому морю.

Всѣми этими укрѣпленными пунктами, на которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, устроены угольныя станціи для безчисленнаго множества коммерческихъ и военныхъ пароходовъ, нынѣ плавающихъ между Англіей и Индіей, англичане прочно утвердили свое торговое могущество. Иногда слышались возраженія относительно дороговизны устройства всѣхъ этихъ фортовъ, станцій, содержанія гарнизоновъ; но изумительное богатство Англіи неопровержимо доказало всю пользу подобныхъ издержекъ, и приходится вспомнить пословицу древнихъ: „для того, чтобы быть счастливымъ, надо быть сильнымъ“.

Такимъ образомъ, португальцы и за ними англичане утвердили первенство за круговымъ путемъ мимо мыса Доброй Надежды, и индійскіе товары стали проходить въ Европу преимущественно по этому направленію.

Тѣмъ не менѣе, не прекращались также попытки возвратиться и къ прежнему (египетскому) пути.

Такъ, напр., въ эпоху Людовика XIV и, вмѣстѣ съ тѣмъ, господства французовъ въ Средиземномъ морѣ, знаменитый Лейбницъ предлагалъ имъ покорить Египетъ съ цѣлью завладѣть индійской торговлей. Къ числу подобныхъ попытокъ слѣдуетъ отнести и покореніе Египта Наполеономъ, но проектъ не осуществился, вслѣдствіе абукирской побѣды Нельсона надъ французскимъ флотомъ. Это, впрочемъ, не заставило Наполеона отказаться отъ мысли объ индійскомъ походѣ, и онъ намѣревался его совершить или въ союзѣ съ Россіей, причемъ предполагалось идти по Дунаю, Черному и Азовскому морямъ, Дону, Волгѣ и Каспійскому морю въ Астрабадъ и далѣе,—или же въ союзѣ съ Персіей (куда для этой цѣли былъ посланъ генералъ Гарданъ съ цѣлой миссіей) и Турціей, причемъ походъ долженъ былъ совершиться черезъ Турцію и Гератъ. Любопытно, что конечною операціонною линіею, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, была избрана линія Гератъ-Кандагаръ.

Въ предъидущемъ бѣгломъ очеркѣ указаны только южные пути въ Индію. Но кромѣ того, существовали еще и сѣверные пути, по которымъ нѣкогда происходили торговыя сношенія, между прочимъ, и съ Россіей, и которые касаются Россіи очень близко въ особен-

ности въ виду открывающейся возможности возстановленія этихъ путей.

Плиній говоритъ, что индійскіе товары съ верховьевъ Инда приходили въ семь дней въ Бактріану на берега Икаровой рѣки, впадавшей въ Оксусъ (Аму-Дарью). По Оксусу они слѣдовали въ Гирканское море (Каспій) и изъ него въ рѣку Кирусъ (Кура), потомъ пять дней проходили они сухимъ путемъ по Колхидѣ до города Сарапона, который былъ складочнымъ пунктомъ на этомъ торговомъ пути, и, наконецъ, товары по Фазису достигали Эвксинскаго Понта (Чернаго моря).

Въ началѣ VIII вѣка, по завоеваніи арабами византійскихъ владѣній, торговый путь изъ Азіи въ Европу уклонился отъ прежняго направленія еще болѣе къ сѣверу. Восточные товары провозились въ Константинополь такимъ путемъ: изъ Каспійскаго моря они входили въ Волгу и, проплывъ небольшое разстояніе, переѣзжали по сухому пути до Танаиса (Дона), изъ котораго на корабляхъ по Эвксинскому Понту переѣзжали въ Константинополь.

Около этого же времени начались и сношенія Россіи съ дальнимъ востокомъ. Вотъ что объ этомъ говоритъ персидскій писатель, жившій въ IX вѣкѣ: „Что касается купцовъ русскихъ—они же суть племя изъ славянъ—то они ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ славянской (Волгѣ), проходятъ по заливу Хазарской столицы (городъ Итиль при впаденіи Волги въ Каспійское море), гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Ожурджаль (Аральское), къ Балху и Маверанагру, а потомъ до Сина (Китай)“.

Такимъ образомъ, еще въ IX вѣкѣ русскіе купцы проникали и въ Багдадъ, и Балхъ, и даже въ Китай Волгою, Каспійскимъ моремъ и степями. Вѣроятно, что и въ Россію по этой же дорогѣ ходили арабскіе, индійскіе, бухарскіе, хивинскіе и персидскіе купцы, и есть весьма вѣскія доказательства, что они дѣйствительно провозили свои товары по Каспійскому морю и Волгѣ до Казани, гдѣ новгородскіе купцы забирали ихъ, доставляли въ Новгородъ и Старую Ладогу, откуда затѣмъ отправляли въ сосѣднія государства.

Доказательствомъ этого служатъ клады, находимые до сихъ поръ по берегамъ Волги, съ монетами арабскими, индійскими и бактрійскими. Деньги, очевидно, зарывались въ случаѣ крушенія или нападенія разбойниковъ съ тѣмъ, чтобы въ другой пріѣздъ отыскать мѣсто и забрать деньги. Но владѣльцу, конечно, не всегда удавалось воротиться домой и снарядить новое судно, а если это удавалось, то все-таки часто онъ не былъ въ состояніи найти свой кладъ.

Скоро узнали азіатскіе купцы и о томъ, что великая славянская рѣка можетъ довести ихъ не только къ славянамъ, но и къ нѣмцамъ.

И несомнѣнно, что они пробирались и туда, такъ-какъ клады, однородные съ волжскими, встрѣчаются и вдоль всего пути, которымъ ѣздили сами русскіе въ нѣмецкую землю.

Татарское иго на время прервало не только эти, но и другія торговыя сношенія. Только Новгородъ и Смоленскъ могли поддерживать торговлю съ западомъ, или вѣрнѣе, съ одной Ганзой. Дальній же востокъ былъ совершенно отрѣзанъ. О немъ начали забывать, и только оставались однѣ преданія о баснословныхъ богатствахъ восточныхъ странъ.

И такъ длилось до тѣхъ поръ, пока Россія не стряхнула съ себя монгольское иго.

Индія опять явилась приманкой для всѣхъ.

Насколько извѣстно, первый попытался проѣхать въ Индію тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ въ концѣ XV столѣтія, но добрался только до Хорассана.

Нѣсколько позднѣе, генуэзецъ Паоло Чентуріоне предлагалъ великому князю Василію Ивановичу завести торговыя сношенія съ Индіей черезъ Каспійское море. При этомъ онъ указывалъ, какъ выгодно было бы для Россіи, если бы индійскіе товары привозились по Каспійскому морю въ Астрахань, потомъ Волгою и Окою въ Москву, оттуда сухимъ путемъ до Двины, далѣе Двиною въ Ригу, которая уже моремъ снабжала бы этими товарами всю Европу.

Англичане также не оставались безучастными къ вопросу о томъ, какъ бы пробраться въ Индію черезъ Россію. Вступивъ съ Иваномъ Васильевичемъ въ сношенія, они стали привозить въ Россію въ значительномъ количествѣ свои товары, имѣя впрочемъ въ виду не самую Россію, а удобство черезъ нее добраться до восточныхъ государствъ, лежавшихъ близъ Каспійскаго моря, и завязать съ ними торговыя сношенія. Въ Англіи образовалось особое торговое общество, которое поставило себѣ цѣлью отыскать наиболѣе короткій и удобный путь въ Индію и Китай. По порученію этого общества черезъ Астрахань проѣзжало много лицъ для разрѣшенія этой задачи. Извѣстнѣйшимъ изъ нихъ былъ Антоній Дженкинсонъ. Въ 1555 году онъ отправился черезъ Россію въ Астрахань, затѣмъ по Каспійскому морю достигъ Мангуслова (Мангишлакъ), лежащаго на восточномъ берегу моря, а оттуда пробрался въ Бухару. Но это трудное и опасное путешествіе было почти безполезно: Бухара снабжалась такимъ огромнымъ количествомъ товаровъ черезъ Алеппо и Смирну, что Дженкинсонъ принужденъ былъ продать привезенные имъ товары почти безъ барыша.

Тогда англійское торговое общество рѣшило вступить въ непосредственныя торговыя связи съ Персіей. Съ этой цѣлью оно въ

1561 году отправило въ Персію черезъ Россію Дженкинсона, который поѣхалъ туда изъ Москвы сухимъ путемъ вмѣстѣ съ персидскимъ посломъ, возвращавшимся изъ Москвы въ свое отечество. Сѣвъ на корабль въ Астрахани, Дженкинсонъ прибылъ въ Шабранъ, гдѣ разгрузился и со всѣми товарами отправился сухимъ путемъ черезъ Шемаху, Ардебиль и Тебрисъ въ Казбинъ, столицу тогдашняго персидскаго государя. Тамъ Дженкинсонъ пробылъ цѣлую зиму и затѣмъ возвратился въ Россію.

Но не одна Англія старалась завязать черезъ Каспійское море сношенія съ Персіею и вообще съ востокомъ. Въ 1602 году черезъ Россію былъ отправленъ отъ римскаго императора Рудольфа семиградскій дворянинъ Стефанъ Ка́кашъ посломъ въ Персію. Но онъ умеръ на пути. Въ 1635 году герцогъ Фридрихъ голштейнъ-готторпскій отправилъ пословъ въ Россію и Персію съ цѣлью завязать съ ними дружественныя сношенія въ виду торговыхъ цѣлей и главнымъ образомъ полученія изъ Персіи черезъ Россію шелка. Около того же времени посолъ шведской королевы Христины, Андрей Буррей составилъ планъ наиболѣе удобнаго проѣзда изъ Бѣлаго моря въ Астрахань и по Каспійскому морю далѣе на востокъ. Наконецъ голландцы, уже въ то время извлекавшіе не малыя выгоды изъ торговли съ Остъ-Индіей, также направили свое вниманіе на Россію, какъ на страну, черезъ которую было бы несравненно легче вести торговыя сношенія съ востокомъ.

Но и сама Россія, независимо отъ иностранцевъ, старалась завести сношенія съ Индіей.

Царь Алексѣй Михайловичъ два раза посылалъ пословъ къ великому моголу, но оба раза персидскій шахъ Абасъ II не пропускалъ ихъ. Тогда придумали послать пословъ черезъ Бухару, и для разузнанія пути отправили въ 1669 году Пазухина; развѣдка Пазухина въ Бухарѣ показала возможность пробраться въ Индію этимъ путемъ, и въ 1675 году посланъ былъ къ великому моголу Эвренкзебу астраханскій татаринъ Юсупъ Касымовъ. Въ 1676 году онъ добрался до Кабула, но здѣсь былъ задержанъ и выпровоженъ обратно, такъ-какъ ѣхалъ безъ товара съ одною грамотою. Великій моголъ, которому донесено было о прибытіи русскаго посла, счелъ сношенія съ Россіею для себя невыгодными, такъ какъ очевидно, что „россійскій царь къ индійскому шаху посылаетъ посланниковъ для богатства, а не для какихъ иныхъ дѣлъ“.

И только посланный въ 1695 году съ царскими товарами и золотыми, купецъ Семенъ Маленькій безпрепятственно проѣхалъ до Дели, распродалъ всѣ свои товары, накупилъ взамѣнъ того индійскихъ, нагрузилъ ими два корабля и, получивъ, вдобавокъ, слона

въ подарокъ русскому царю отъ могола, благополучно выѣхалъ оттуда и поѣхалъ черезъ Бендеръ-Абасси въ Россію; но на пути умеръ въ Шемахѣ, такъ что подробныхъ свѣдѣній объ этомъ путешествіи не осталось.

Затѣмъ Петръ Великій, подъ вліяніемъ баснословныхъ разсказовъ о богатствахъ Индіи, снарядилъ двѣ экспедиціи: одну со стороны Сибири, подъ начальствомъ Бухгольца, а другую со стороны Астрахани, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго. Первая должна была добраться до города Эркета (Яркенда), славившагося золотыми розсыпями, а вторая должна была снабдить хивинскаго хана, уже принявшаго русское подданство, русскою гвардіей, а также предложить бухарскому хану послать отъ себя въ Индію караванъ изъ 35 купцовъ (въ томъ числѣ 13 русскихъ), съ поручикомъ Кожинымъ, „подъ видомъ купчины“, съ тѣмъ, чтобы подъ Эркетомъ соединиться съ сибирскимъ отрядомъ; но соединенія этого не произошло, и конецъ экспедиціи былъ самый печальный. Бековичъ-Черкасскій, почти со всѣмъ своимъ отрядомъ, былъ измѣнически истребленъ подъ Хивой.

Въ 1750 году попытка послать караванъ въ Индію была вновь повторена, благодаря настояніямъ Неплюева, бывшаго въ то время оренбургскимъ губернаторомъ. Съ этою цѣлью учреждена была даже русско-индійская компанія, которая и снарядила два большихъ каравана въ Индію, но опытъ и на этотъ разъ не удался, и компанія его больше не повторяла.

Такимъ образомъ, несмотря на весьма настойчивыя попытки Россіи завязать сношенія съ Индіею, это какъ-то не удавалось.

Правда, во время существованія континентальной системы Наполеона, по словамъ знаменитаго путешественника Бёрнса, не только индійскіе колоніальные товары, но и англійскіе открыли себѣ путь черезъ Кабулъ, Бухару и Оренбургъ, но съ послѣдовавшей вскорѣ отмѣной этой системы все пошло по старому, и дороговизна перевозки остановила индійскіе товары на пути въ Оренбургъ.

Такимъ образомъ, выяснилось лишь то, что прямое сообщеніе съ Индіею возможно, но представляетъ много затрудненій. Оставалось пока завязать торговыя сношенія хотя съ ближайшими средне-азіатскими ханствами. Первый караванъ туда былъ снаряженъ въ 1753 году подъ начальствомъ самарскаго купца Рукавишникова. Дальнѣйшія торговыя сношенія совершались хотя и урывками, но никогда надолго не прекращались, въ особенности благодаря разнымъ льготамъ, предоставленнымъ средне-азіатскимъ купцамъ.

Вотъ перечень (по Бёрнсу) русскихъ товаровъ, достигавшихъ черезъ Бухару даже до Кабула: пистолеты, ружья, ружейные замки, висячіе замки, ножи, бритвы, желѣзная и мѣдная проволока, иглы, ки-

товый усъ, очки, зеркала, фаянсъ, писчая бумага, тонкія сукна, бархатъ, атласъ, ситцы, нанка, чай и проч.

Развитіе нашей азіатской торговли выражается слѣдующими цифрами, въ сложности:

годы:	привозъ:	отпускъ:
1773—1777	214,794 р. асс.	206,136 р. асс.
1793—1797	1.547,069 »	1.579,445 »
1804—1807	2.071,564 »	987,974 »
1812—1815	4.071,564 »	3.582,881 »
1820—1823	5.381,155 »	3.763,611 »
1824—1827	5.759,252 »	4.389,705 »
1828—1831	6.267,414 »	5.889,646 »

Такимъ образомъ, въ первое пятилѣтіе среднимъ числомъ привозилось на 43 тысячи рублей ассигнаціями въ годъ, а вывозилось на 41 тысячу. Черезъ двадцать лѣтъ привозъ доходилъ уже до 309,413 руб., а отпускъ до 315,888 руб. въ годъ. Затѣмъ торговля все разширялась до 1839 года, т.-е. до неудавшейся русской экспедиціи въ Хиву, когда торговый оборотъ съ 15 слишкомъ милліоновъ рублей сразу упалъ на 5 милліоновъ. Потомъ, конечно, мало-по-малу торговыя сношенія возстанавливались, и торговый оборотъ достигъ въ 1867 году до 53.074,000 руб. серебромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ фактовъ, которые были изложены выше, слѣдуетъ, что всѣ попытки установить торговыя сношенія среднеазіатскихъ ханствъ: Хивы и Бухары съ Россіею черезъ Красноводскъ и Каспійское море, не удавались вслѣдствіе постоянныхъ грабежей въ степи, между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, производившихся племенемъ, занявшимъ берега Мургаба и Теджента. Грабежи эти привели къ тому, что ни одинъ караванъ не рѣшался проходить съ Аму-Дарьи къ Каспійскому морю.

Изъ предъидущаго бѣглаго очерка путей въ Индію, оказывается, что въ сущности, теперь имѣется лишь два пути, по которымъ индійскіе товары идутъ въ Европу или, правильнѣе, въ англійскіе доки—эти необъятные резервуары произведеній дальняго Востока, а именно: круговой путь, мимо мыса Доброй-Надежды, преимущественно для судовъ парусныхъ и путь на Суэзъ, по которому ходятъ главнымъ образомъ паровыя суда.

Вотъ разстояніе и продолжительность переѣзда по этимъ путямъ отъ Фальмута до Бомбея:

1) Фальмутъ, островъ св. Елены, м. Доброй-Надежды и Бомбей.

Разстояніе—10,400 миль (18,200 верстъ). Продолжительность переѣзда 42 дня.

2) Фальмутъ, Мальта, Александрія, Суэзъ и Бомбей. Разстояніе 6,000 миль (10,500 вер.). Продолжительность переѣзда 24 дня.

Такимъ образомъ, второй путь представляетъ значительное преимущество предъ первымъ; но тѣмъ не менѣе, существовало опасеніе, что съ прорытіемъ Суэзскаго канала уменьшится значеніе англійской торговли и ея торговаго флота. Опасенія эти не оправдались. Дѣло въ томъ, что съ появленіемъ болѣе сильнаго и удобнаго способа передвиженія всегда въ значительной степени увеличивается и пассажирское, и товарное движеніе. Многіе товары, которые до сихъ поръ были доступны лишь „избраннымъ“, съ сокращеніемъ стоимости перевозки, дѣлаются достояніемъ массъ. Многія лица, которыя никогда бы не рѣшились на далекое путешествіе, благодаря удобствамъ, представляемымъ быстрыми и роскошными пароходами, дѣлающими рейсы на Суэзъ,—начали предпринимать означенныя поѣздки и ничего въ этомъ отношеніи не можетъ быть убѣдительнѣе, какъ свѣдѣнія о пассажирскомъ движеніи по Суэзскому каналу со времени его открытія.

Движеніе судовъ по Суэзскому каналу:

годы:	число судовъ:	на сумму:
1869	10	49,600 франк.
1870	486	5.048,394 »
1871	765	8.993,733 »
1872	1,082	16.407,591 »
1873	1,173	22.775,802 »
1874	1,264	25.218,580 »
1875	1,494	28.776,027 »
1876	1,457	29.896,025 »
1877	1,663	32.554,548 »

При развитіи паровыхъ двигателей нерѣдко приходится встрѣчать такіе факты, какъ напр. одновременное существованіе двухъ и даже трехъ линій, идущихъ по одному направленію и для которыхъ тѣмъ не менѣе на столько достаточно и пассажировъ и грузовъ, что въ этомъ отношеніи всѣ линіи вполнѣ гарантированы.

Вотъ почему, несмотря на существующіе уже два морскихъ пути въ Индію, постоянно являются попытки къ устройству кратчайшаго пути или исключительно желѣзно-дорожнаго, или же, по крайней мѣрѣ, смѣшаннаго, т.-е. воднаго и желѣзно-дорожнаго. Въ этомъ смыслѣ было сдѣлано уже не мало предложеній.

Первый изъ этихъ путей (смѣшанный), идетъ отъ Парижа до

Калькутты (по направленію: Бриндизи, Александрія, Суэзъ, Аденъ и Бомбей), и имѣетъ протяженіе 6,164 мили (10,787 вер.).

Второй путь (также смѣшанный), который неоднократно проектировался англійскими и другими предпринимателями, начиная со Скутари имѣетъ два направленія до Александретты (одно на Бульваденъ и Адану, а другое — на Кара-Гиссаръ и Коніегъ), затѣмъ идетъ черезъ Алеппо, Евфратъ и Багдадъ въ Бассору, а оттуда, воднымъ путемъ, до Бомбея—всего на разстояніи 3,380 м. (4,170 в.).

Третій путь между Парижемъ и Калькуттой (черезъ Оренбургъ, Ташкентъ, Балхъ и Пешаверъ), предложенный инженерами Лессепсомъ и Котаромъ, представляетъ собою исключительно желѣзно-дорожную линію, длиною въ 5,783 мили (10,120 верстъ).

Но кратчайшій путь и, повидимому, самый удобный между Парижемъ и Ширкапуромъ (чрезъ Варшаву, Москву, Баку, Михайловскій заливъ, Кизилъ-Арватъ, Серахсъ, Гератъ, Кандагаръ и Кветту) равняется 4,326 м. (7,571 верста).

Этотъ путь въ настоящее время пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Покореніе Ахалъ-Текинскаго оазиса и окончательное утвержденіе въ немъ русскихъ несомнѣнно поведетъ къ полному спокойствію степи, что́, въ свою очередь, сдѣлаетъ возможнымъ движеніе торговыхъ каравановъ между Аму-Дарьей, Аральскимъ и Каспійскимъ морями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это кратчайшее направленіе желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря до восточной границы Индіи.

Возражать противъ осуществимости означеннаго пути еще можно было до постройки желѣзной дороги отъ Михайловскаго залива къ Кизилъ-Арвату. Теперь же, когда работы на этой линіи вышли изъ предѣловъ безводнаго пространства и остается достроить лишь участокъ (отъ Казанджика до Кизилъ-Арвата), идущій уже по началу оазиса, гдѣ вода имѣется въ совершенно достаточномъ количествѣ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что осуществленіе желѣзной дороги по этому направленію вполнѣ возможно.

Путь этотъ представляетъ еще и то преимущество, что онъ проходитъ по степи, неудобной для жизни, всего на пространствѣ 125 в.; между тѣмъ какъ, въ случаѣ постройки дороги по предложенію Лессепса и Котара, придется захватить 740 верстъ безлюднаго пространства; а желѣзно-дорожный путь, проектируемый изъ Александретты черезъ Тигръ и Евфратъ, долженъ будетъ пройти 720 верстъ безплодной степи. Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что ближайшій путь, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и наиболѣе удобнымъ относительно тѣхъ земель, черезъ которыя онъ проходитъ.

Когда и какимъ образомъ удастся осуществить продолженіе означеннаго важнаго торговаго пути, неизвѣстно,—но, во всякомъ случаѣ,

это будетъ, безъ сомнѣнія, ближайшій и наиболѣе удобный путь между центрами европейской жизни и Индіей.

Участокъ линіи, какъ только онъ достроится до Кизилъ-Арвата, будетъ немедленно занятъ перевозкой грузовъ, и въ этомъ отношеніи уже сдѣланы сношенія, чтобы караваны двинулись къ Кизилъ-Арвату по нижеслѣдующимъ направленіямъ:

1) Хивинскіе и бухарскіе грузы (преимущественно хлопокъ), идущіе нынѣ по Аму-Дарьѣ до ея устьевъ и далѣе на Усть-Юртъ и Казалу въ Оренбургъ, несомнѣнно пойдутъ съ Аму-Дарьи на Орта-Кую, Игды и Кизилъ-Арватъ.

Послѣдній походъ туркестанскаго отряда, подъ начальствомъ полковника Куропаткина, съ 700 верблюдовъ, показалъ полную возможность движенія по этому пути не только для небольшихъ каравановъ, какъ это дѣлалось прежде, но и для весьма большихъ верблюжьихъ транспортовъ. Если по этому пути до сихъ поръ не было торговыхъ сношеній, то этому преимущественно мѣшали постоянные алламаны туркменъ.

Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ бухарскій и хивинскій хлопокъ шелъ въ Россію или черезъ Казалинскъ, или черезъ Усть-Юртъ—въ Оренбургъ. Такъ-какъ разстояніе между Оренбургомъ и Хивою равно 1,300 верстъ, и такъ-какъ мѣсячная наемная плата за верблюда, нагруженнаго 15 пудами, доходитъ до 25 рублей, то за 43-хъ-дневный путь, обыкновенно употребляемый на этотъ переходъ, приходится заплатить слишкомъ 35 руб. или около $2^1/_2$ рублей съ пуда. Между тѣмъ, разстояніе отъ Хивы, черезъ Орта-Кую, до Кизилъ-Арвата равняется 475 верстамъ и проходится въ 15—16 дней, причемъ за перевозъ пуда хлопка или вообще какого-либо груза придется заплатить около рубля.

2) Торговая персидская дорога, идущая нынѣ отъ Нишапура въ Астрабадъ, также найдетъ болѣе удобнымъ повернуть изъ Буджнурта въ Келету и далѣе, на Бами, къ Кизилъ-Арвату, чтобы, вмѣсто 300 верстъ верблюжьяго пути, выйти на желѣзную дорогу.

3) Третій караванный путь долженъ образоваться, начиная отъ Кандагара и идя на Гератъ, Серахсъ, Асхабадъ, Бами и Кизилъ-Арватъ. Весьма вѣроятно, что этотъ кратчайшій путь по богатому и обильному водой Ахалъ-Текинскому оазису существовалъ и прежде, но затѣмъ, со времени поселенія текинцевъ въ оазисѣ, былъ оставленъ вслѣдствіе невозможности, какимъ бы то ни было образомъ, устроиться съ этими постоянными грабителями.

Вотъ тѣ три направленія, по которымъ несомнѣнно обнаружится тяготѣніе торговыхъ каравановъ къ Кизилъ-Арвату, послѣ того, какъ къ нему подойдетъ линія закаспійской желѣзной дороги.

Задача, указанная Петромъ Великимъ и ради которой онъ посылалъ двѣ экспедиціи (одну черезъ Сибирь, а другую черезъ Красноводскъ), разрѣшена въ концѣ царствованія императора Александра II. Паровой путь по направленію къ Индіи начатъ; и если англичане съ своей стороны доведутъ паровую дорогу отъ Кандагара къ Герату, а русская линія будетъ продолжена отъ Кизилъ-Арвата, черезъ Серахсъ, до Герата, то въ 11 дней пароваго пути, съ небольшимъ морскимъ переѣздомъ, можно будетъ проѣхать изъ Парижа въ Ширкапуръ. При этомъ нельзя не предвидѣть, что пассажирское движеніе, нынѣ совершаемое черезъ Суэзскій каналъ, въ значительной степени перейдетъ на означенный путь. Путешествіе въ Индію сдѣлается достояніемъ не только самаго ничтожнаго числа лицъ, какъ это было до сихъ поръ (потому что на Суэзъ все-таки надо ѣхать около мѣсяца). Кромѣ того, для 250 милліоновъ индійцевъ, которымъ религія запрещаетъ уѣзжать изъ своего отечества по морю, откроется міръ путешествій, изслѣдованій и изученій. Россія же будетъ имѣть возможность получать изъ первыхъ рукъ индійскія произведенія и, съ другой стороны, продавать свои хлѣбныя произведенія столь часто голодающему населенію Индіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что участокъ желѣзной дороги до Герата можетъ быть построенъ англійской компаніей и безъ окончательнаго занятія Афганистана англичанами; необходимо только, чтобы въ означенной странѣ установилось спокойствіе и твердая власть, что́ можетъ быть достигнуто англичанами при помощи тѣхъ же средствъ, которыя, съ подобной же цѣлью, были употреблены Россіею относительно Хивы и Бухары.

Такимъ образомъ, Афганъ останется нейтральною (между Россіею и Англіею) землею, хотя, безъ сомнѣнія, англійское вліяніе въ ней будетъ преобладать на томъ основаніи, что Англія уже владѣетъ частью афганскаго населенія, живущаго въ сѣверныхъ частяхъ Пенджаба и въ горныхъ проходахъ.

Конечно, при сопоставленіи положеній: съ одной стороны—безконечной войны, которая, происходя между двумя колоссальнѣйшими имперіями въ мірѣ, несомнѣнно поглотитъ цѣлые потоки крови и милліарды денегъ; а съ другой стороны — мирной картины торговыхъ сношеній, которыя откроютъ для обѣихъ странъ новые рынки для сбыта и послужатъ, такимъ образомъ, развитію въ нихъ народной производительности, — едва ли можетъ быть колебаніе относительно выбора одного изъ этихъ положеній. Говорятъ, что даже „худой миръ лучше доброй ссоры“.

Что же касается до опасенія конкурренціи, которая можетъ быть приписана новому пути по отношенію къ старымъ, то можно смѣло

утверждать, что развитіе новыхъ, могущественныхъ средствъ передвиженія, о чемъ и ранѣе уже было сказано, до такой степени увеличиваетъ торговые обороты и развиваетъ промышленность, что ея теперь перестали опасаться и проводятъ параллельные пути не только на огромныхъ разстояніяхъ, какъ предполагается въ данномъ случаѣ, но иногда, можно сказать, почти рядомъ.

Вотъ та мирная почва столкновенія, которой только и желаютъ русскіе и которой должны бы желать и англичане въ видахъ пользы человѣчества и успѣховъ цивилизаціи.

Эта почва, повторяемъ, не только желательна, но и вполнѣ возможна, такъ-какъ и Англіи, и Россіи остается весьма широкое поле для самостоятельной дѣятельности среди подвластныхъ имъ въ Азіи народовъ.

М. Анненковъ.